

Виктор Аскоченский

Асмодей нашего времени

Виктор Аскоченский
Асмодей нашего времени

«Public Domain»

1858

Аскоченский В. И.

Асмодей нашего времени / В. И. Аскоченский — «Public Domain», 1858

«Эхъ, молодость, молодость! Широко ты, словно полая вода, разливаешься по необнимаемымъ очами долинамъ открывающейся предъ тобой жизни; вольно шумятъ шаловливыя волны твои, убѣгая отъ берега, гдѣ стоитъ пріютъ, взлелѣявшій тебя, развернувшій лихія твои силы, пустившій тебя ширять по поднебесью сизымъ орломъ. И что за крѣпость въ твоихъ гибкихъ членахъ! Что за раздолье въ твоихъ замысловатыхъ затѣяхъ!..»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктор Ипатьевич Аскоченский

Асмодей нашего времени

Глава первая

– «Вотъ развалины тѣ!» Чортъ побери, не поется какъ-то. Ермолай! Подай-ка, братецъ, тамъ чтонибудь, скатерть что-ли... Вотъ такъ! Давай! Это что? Никакъ халатъ? Отлично, монъ-шеръ! Въ этомъ я буду истый Петровъ. Полу на плечо, физиономію поотчаяннѣй, да и того... Жаль только, что сегодня я какъ будто не въ голосъ; ну, да ничего, попробуемъ...

И молодой человѣкъ, драпируясь шелковымъ халатомъ, запѣлъ во все горло распресквернымъ басомъ: "вотъ развалины тѣ", фальшивя отчаянно, и поминутно переходя изъ мажора въ миноръ.

Этотъ повѣса былъ однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, у которыхъ *завтра* вовсе не существуетъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда несносный кредиторъ являлся съ униженнымъ напоминаніемъ о давно-просроченномъ долгѣ, объясняясь при этомъ, что онъ никакъ не осмѣлился бы беспокоить его благородіе такими пустяками, еслибъ его самага не заставляла крайность. Еще одинъ только шагъ сдѣланъ былъ имъ въ жизнь дѣйствительную: но этотъ шагъ былъ простъ и не затѣйливъ, какъ фигуры французской кадрили. Правительство указало молодому человѣку дорогу, снабдивъ его на подлежащее путешествіе запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, разогрѣвъ сердце его ко всему прекрасному и возвышенному и покрывъ пылкую душу его эгидою чести и долга; на счетъ всего прочаго предоставлено было распорядиться ему самому, по усмотрѣнію. Молодецъ, получивъ отъ своей матери родительское благословеніе, нѣсколько неизбѣжныхъ наставленій и небольшой бумажникъ съ довольно осязательнымъ содержаніемъ, въ проѣздъ черезъ Москву, спустил большую часть полученнаго имъ груза, не коснувшись только бѣлья да предметовъ невѣсомыхъ, и къ мѣсту своего назначенія прибылъ, по пословицѣ, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего.

Эхъ, молодость, молодость! Широко ты, словно поляя вода, разливаешься по необнимаемымъ очами долинамъ открывающейся предъ тобой жизни; вольно шумятъ шаловливыя волны твои, убѣгая отъ берега, гдѣ стоитъ пріютъ, взлелѣявшій тебя, развернувшій лихія твои силы, пустившій тебя ширять по поднебесью сизымъ орломъ. И что за крѣпость въ твоихъ гибкихъ членахъ! Что за раздолье въ твоихъ замысловатыхъ затѣяхъ! Бойко несешься ты дикимъ конемъ въ далекую степь, пока не обожжетъ тебя палящее солнце, не заслѣпитъ тебѣ очи горячій песокъ, и пока – усталая – не обратишь, какъ жарь, раскаленныхъ взоровъ твоихъ на право и на лѣво, ища прохладной струи, чтобы утолить кипящую въ тебѣ жажду желаній и надеждь!..

Молодой человѣкъ, который, пока мы говорили, окончательно сбился съ тону, поднявшись, по его выраженію, выше облака ходячаго, выше лѣсу стоячаго, – этотъ молодой человѣкъ не герой моего романа. Передъ читателемъ встанутъ во всемъ мелочномъ своемъ величіи и величавой мелочности, во всей, можетъ быть, грустной, но тѣмъ не менѣе справедливой дѣйствительности и другіе образы, другіе характеры, рѣзко бросающіеся въ глаза наблюдателю и отгнѣнные самородной особенностью: но опять не на нихъ опирается все зданіе этого разсказа, не они движутъ перомъ, едва поспѣвающимъ за тревожнымъ бѣгомъ развивающейся мысли.

Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ однакожь знать, что молодой человѣкъ, открывшій эту повѣсть раздирательной аріей Бертрана, называется Ѳедоромъ, по отчеству Степановичемъ, а по прозвищу Племянничковымъ. Собой онъ былъ вовсе не красавецъ; природа какъ-то ужъ черезчуръ заострила его физиономію, придавъ ей слишкомъ рѣзкое выраженіе. На моду боль-

ших претензій Племянничковъ не имѣлъ, и кромѣ уродливой прически а la moujik, которая, какъ нарочно не шла къ улиткообразной головѣ его, вы не встрѣтили бы на немъ ничего такого, что поторопился бы перенять любитель модныхъ фраковъ, жилетовъ и прочихъ клочковъ, которыми, по замѣчанію поэта, "на перекоръ стихіямъ", опутываетъ себя цивилизованная половина смертныхъ мужескаго рода. Весь корпусъ Племянничкова, свыкшись сначала съ школьной курткой, а потомъ должностнымъ мундиромъ, какъ-то не совсѣмъ уклюже укладывался во фракъ, какъ бы онъ ловко шить ни былъ. Но смотря на тщательность, съ какою обыкновенно Племянничковъ пробирался на званый вечеръ, всегда у него, послѣ первой же кадрили, или сворачивался на бокъ непозволительно-толстый узелъ галстука, или высывалась манишка, открывая такимъ образомъ не всегда безукоризненно чистое бѣлье, или оказывалась одна перчатка незастегнутою, по неимѣнію крючка или пуговицы. На все это впрочемъ Племянничковъ не обращалъ большаго вниманія; его даже мало беспокоило и то, если въ бѣшеномъ вальсѣ портилась его наскоро и незатѣйливо придуманная прическа, и волосы опускались космами, дѣлая его похожимъ на человѣка, который только что вылѣзъ изъ ванны. Вести разговоръ Племянничковъ умѣлъ какъ-то особенно; смотря потому, гдѣ и съ кѣмъ приходилось ему говорить, онъ бывалъ или чудо какъ остеръ и оборотливъ, или нестерпимо тягучъ и тяжелъ, точно какъ будто всякое слово вязло у него въ зубахъ. Но всего опаснѣе для него было вѣсти рѣчь съ дамами, Богъ его знаетъ, только такъ бывало, что начнетъ онъ какъ быть должно – и сладко, и мягко, и комплиментецъ вернетъ кстати, а чрезъ минуту, смотришь, дама и отвернулась отъ него со вздернутою губою. "Что, спрашиваетъ его обыкновенно въ такихъ случаяхъ пріятель: видно, ужъ болтнулъ чтонибудь? – Да нѣтъ, братецъ, а то и то, – ну, и скажетъ все какъ было. – Ну, ужъ ты вь самомъ дѣлѣ, – скажетъ пріятель и также въ свою очередь отойдетъ прочь. А впрочемъ Племянничковъ состоялъ на счету добрыхъ малыхъ. Объ умѣ его говорить нечего; ибо ктожь нынче не уменъ?

Мы всѣ учились по немногу
Чемунибудь и какънибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.

Не скажу, въ какой мѣрѣ были вѣрны и основательны свѣдѣнія Племянничкова, по крайней мѣрѣ не было науки, о которой бы онъ не судилъ и вкривъ и вкось, озадачивая профановъ техническими терминами и Богъ его знаетъ гдѣ вычитываемыми открытіями.

У письменнаго стола, прислоненнаго къ окну, выходящему въ палисадникъ, сидѣлъ, склоня голову и положивъ ноги на близъ-стоявшій стулъ, Николай Михайловичъ Бѣляковъ, пріятель Племянничкова. Онъ въ задумчивости чертилъ перочиннымъ ножичкомъ по столу какія-то буквы, не замѣчая того, что рѣжетъ зеленое сукно. Свѣтлорусые волосы его опустились густою прядью, и грусть тихая и глубокая виднѣлась на этомъ свѣтломъ лицѣ, на которомъ широкой кистью было написано добродушіе и впечатлительная пріимчивость. Трудно было угадать въ эту минуту въ Бѣликовѣ того милаго повѣсу, который всегда веселилъ мѣтко сказаннымъ словомъ беззаботную молодежь; не видать было въ немъ его привычной разсѣянности, его безустаннаго вранья, отъ котораго впрочемъ онъ самъ никогда не краснѣлъ: но не удивило бы это никого изъ тѣхъ, кто былъ близокъ къ Бѣликову. Его мнимая разсѣянность не мѣшала ему вникать въ жизнь и ея прихотливыя явленія. Васъ невольно остановила бы и изумила иная замѣтка, мимоходомъ брошенная этимъ повѣсой, и вы потомъ невольно спросили бы самихъ себя: тотъ ли это человѣкъ, который вретъ, не озираясь, не устремляя, по видимому, испытующаго взора въ глубь сцены, по которой вертится и бѣгаетъ вѣчносуетливое человечество? Рѣдко кому удастся подмѣтить такъ вѣрно, схватить такъ быстро мелькнувшую мгновенно характеристику ставшаго предъ очи оригинала и освѣтить ее нарочно придуманнымъ

для того словомъ, какъ это дѣлалъ Бѣликовъ. Не подумайте однакожь, чтобъ Николай Михайловичъ былъ ужъ чисто на чисто Малекъ-Адель XIX вѣка; совсѣмъ нѣтъ. Весьма многія благовоспитанныя и очень хорошо танцующія полькъ-мазурку дѣвицы находятъ, что Бѣликовъ ровно ничего не значитъ противъ Тонина, отличнѣйшаго, какъ всѣмъ извѣстно, танцора;— и такое заключеніе благовоспитаннаго пола совершенно справедливо. Вообразите, — Бѣликовъ всегда волочить ноги, точно какъ будто у него на каждой по пудовой гирѣ, а иногда мѣряетъ залу такими огромными шагами, что ужась! — согласитесь послѣ этого, что такіе поступки ни на что не похожи. Да при томъ Бѣликовъ какъ-то немножко угловать въ движеніяхъ и пріемахъ, и потому его съ нѣкоторой осторожностью слѣдуетъ подпускать къ этажеркѣ, уставленной модными бездѣлушками: непременно чтонибудь уронить, или разломаетъ. Онъ тоже скоръ на бойкое, размашистое слово, отъ котораго подъ часъ покраснѣетъ цѣломудренная мамзель и покачаеетъ головой опытная мадамъ: но это, кто его знаетъ, какъ-то все идетъ къ нему. Попробуй-ка другой ктонибудь такъ сказать, — да Боже сохрани! выйдетъ такая исторія, что послѣ и носа нельзя будетъ никуда показать.

— Да перестань, ради Бога, орать! сказала Бѣляковъ съ досадой, бросивъ ножичекъ, который онъ ужъ успѣлъ сломать.

— И что, не нравится? отвѣчалъ Племянничковъ, сбрасывая съ себя импровизированный плащъ. Извольте, дяденька, (у него всѣ были дяденьки, хоть иному дяденькѣ онъ самъ годился бы въ дѣдушки) я замолчу, но только ей-богу скучно; я отъ того и распѣлся, что скучно. Тоска да и полно.

Бѣликовъ вздохнулъ почтя со стономъ.

— Дяденька, а, дяденька! приставалъ Племянничковъ, засматривая въ глаза своему пріятелю.

— Ну, что? отрывисто сказалъ Бѣликовъ.

— У, что! нельзя было понѣжнѣй да поласковой?

— Чтожь тебѣ нужно?

— Ты былъ нынче у Софьины!

— Былъ, протяжно отвѣчалъ Бѣликовъ.

— Ну, коли пошло на скуку да вздохи, то пойдемъ опять къ нему.

— Пожалуй, пойдемъ.

И вотъ уже знакомцы наши собираются брать приступомъ высокое крыльцо квартиры Софьины. Племянничковъ, сейчасъ окончившій какой-то рассказъ, толкнулъ ногой, безъ всякой впрочемъ надобности, лежавшую близъ крыльца старую дворняшку, которая, флегматически взглянувъ на повѣсу и поворчавъ немного, спокойно расположилась на томъ же мѣстѣ.

— Баринъ дова? спросилъ Бѣликовъ дворника, который, распяливъ на вѣшалкѣ какое-то пальто, преусердно колотилъ его обшарпаннымъ вѣникомъ.

— Кто — баринъ? Дома-съ, пожалуйста. Они, надо быть, въ кабинетѣ.

— А что онъ дѣлаетъ? спросилъ Племянничковъ, всходя на лѣстницу.

— Ничего-съ; мыслями занимаются, — отвѣчалъ находчивый слуга, поплеывая на ладонь, чтобъ вытереть воротникъ страдавшаго пальто.

Квартира занимаемая Софьинымъ, была изъ лучшихъ въ городѣ. Не богато, но со вкусомъ меблированная, она, по расположенію комнатъ, представляла всѣ удобства, какія нужны человѣку семейному: но болѣзненно сжалось бы сердце у всякаго, кто заглянулъ бы сюда. Снятыя портьеры и занавѣси валялись на полу въ одной кучѣ и шолковыми кистями ихъ забавлялась, прыгая, маленькая собачка, фаворитка дома; между мебелью, разставленной какъ попало и покрытой густымъ слоемъ пыли, лежали скомканные ковры; въ углу прислонилось богатое кресло съ переломленной ногой; на бархатномъ табуретѣ лежали куски матоваго стекла разбитой лампы, и сиротѣющій рояль сдвинуть былъ почти на середину комнаты, къ паркету которой, какъ видно, нѣсколько дней не прикасалась щетка полотера. На козеткѣ, прислоненной

къ стѣнѣ, навалены были груды бѣлья; окна уставлены банками, пузырьками съ заплеснѣвшей микстурой и щегольскими коробочками для порошковъ – и все это въ той гостиной, гдѣ незадолго передъ тѣмъ все являлось такъ стройнымъ, такъ свѣтлымъ, такъ изящнымъ... Обширная зала была совершенно пуста; богатая въ тяжелыхъ рамахъ картина, свѣсившись бокомъ, моталась на одномъ крюкѣ, вырвавъ другой изъ стѣны вмѣстѣ съ штукатуркой; большія зеркала, еще закрытыя бѣлыми, но уже запыленными скатертями, показывали, что тутъ весьма недавно разыгранъ былъ послѣдній актъ той драмы, которую зовутъ жизнію человѣческой... Нѣсколько стульевъ, небольшой столикъ съ графиномъ воды, пробка отъ котораго валялась на полу, закапанномъ воскомъ, два-три вазона съ какими-то поблекшими растѣніями – вотъ все убранство той залы, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ витало счастье и довольство, раздавались обворожительныя звуки рояля, одушевляемаго чьими-то перстами и останавливавшіе подъ окнами цѣлыя толпы прохожихъ. А въ другія комнаты еще тяжелѣе, еще грустнѣй было заглянуть: тамъ во всемъ видно было разстройство и горькое разрушеніе счастья и довольства.

Нѣтъ, видно, нѣтъ кого-то въ этомъ домѣ; ангель-хранитель его, видно, улетѣлъ отсюда!..

– Здравствуй, Владиміръ, – сказала Бѣликовъ, подавая руку Софьину, сидѣвшему на кровати, ничѣмъ не покрытой.

Софьинъ молча пожалъ руку тому и другому, и повалился на подушку, положивъ на близъ стоявшее кресло какую-то большую книгу въ простомъ, кожаномъ переплетѣ.

Бѣликовъ прислонился къ письменному столу, не упустивъ при семъ случаѣ изломать легкую его рѣшетку.

– Ахъ, дяденька! сказалъ Племянничковъ. Что за ловкость у васъ, ей-богу!

Но Софьинъ не обратилъ вниманія ни на изломанную рѣшетку, ни на замѣчаніе Племянничкова. Онъ лежалъ неподвижно, подложивъ себѣ подъ голову обѣ руки и мутныя глаза его смотрѣли въ потолокъ.

Владиміръ Петровичъ Софьинъ былъ не старъ. Многіе, судя по свѣжести его лица, по веселости характера и особенной крѣпости, никакъ не давали ему болѣе 25 лѣтъ. Но двѣ глубокія морщины на открытомъ челѣ его, рано посѣдѣвшіе волоса заставляли не безъ основанія заключать, что Софьинъ, если не долго, то много прожилъ. Вмѣсто живаго, подвижнаго выраженія, лицо его было подернуто тяжелой думой, наложившей странную неподвижность на всѣ черты одушевленной его фізіономіи; свѣтлыя, горѣвшія силою воли и крѣпостію духа, очи его какъ будто забыли привычный блескъ свой, и тускло устремлялись на одинъ какой либо предметъ, вспыхивая мгновенно и неожиданно несвойственнымъ имъ огнемъ; густо поросшая борода не пріятно отгѣняла синеватую блѣдность опустившагося лица, и мрачная тишина, заключенная въ глубинѣ души его, заразительно и властно дѣйствовала на все, что его окружало.

Кабинетъ Софьина представлялъ такое же разстройство, какъ прочія комнаты. На письменномъ столѣ, заваленномъ бумагами, разбросаны были дорогія бездѣлки, испачканныя перья, недокуренныя сигары, мѣдныя и серебряныя деньги, просыпанный песокъ, двѣ тонкихъ восковыхъ свѣчки, какіе-то порошки, раскрытый бумажникъ, бутылочка духовъ, куски черного сургуча, клочки богатой парчи, запачканный воскомъ крепъ и еще много кой-чего. Голубыя занавѣси у оконъ были спущены и набрасывали синій, мертвенный цвѣтъ на окружающіе предметы; въ углу въ такомъ же беспорядкѣ свалены были книги, кучи бумагъ и свернутыя въ трубку географическія карты. По всему было видно, что рука хозяина ни до чего не хотѣла дотронуться.

И долго бы еще продолжалась начавшаяся послѣ первыхъ словъ свиданія молчаливая сцена, еслибъ Бѣликовъ не наступилъ на ногу собачкѣ, отнюдь не подозрѣвавшей не ловкости господина, сапогъ котораго обнюхивала она такъ дружелюбно. Болѣзненный визгъ собачки заставилъ Софьина вздрогнуть, а Племянничкову подаль случай еще разъ повторить замѣчаніе своему пріятелю.

- А что это, дяденька, за книга такая? сказалъ онъ, подходя къ креслу.
- Библия, мой другъ, – отвѣчалъ Софьинъ, тяжело вздохнувъ и приподнимаясь на кровати.
- Нука, ну; я, право, никогда не видалъ ее. Попробовать бы, умъю ли я читать на этомъ иностранномъ діалектѣ.
- И я не умѣлъ, а вотъ видите, теперь умъю.
- Кудажь намъ, дяденька, за вами!
- Да, Ѳедоръ Степановичъ, вы правду сказали: куда вамъ за мной! Передъ вами разогнулась только первая страница той книги, которую озаглавливаютъ жизнью, а я ужь прочиталъ ея нѣсколько томовъ, и потому-то, уставъ отъ этаго чтенія, взялся теперь для отдыха за эту святую книгу.
- А чтожь такое въ этой книгѣ?
- Все, другъ мой. Тутъ реквиѣмъ земному счастью; тутъ реквиѣмъ и убитой скорбями душъ.
- Переплеть, должно быть, старинный, сказалъ Племянничковъ, медленно кладя книгу на столъ.
- Вы знаете продолжалъ Софьинъ, что я потерялъ; вы знаете, какъ страшна и глубока рана, нанесенная мнѣ той рукой, противъ которой не устоитъ ничья другая рука. Являлись ко мнѣ утѣшители: но пошлы, изъ рукъ вонъ какъ пошлы были ихъ утѣшенія!.. Я сказалъ имъ: кого Богъ огорчилъ, того люди не утѣшатъ, – и люди замолчали, я поблагодарилъ я ихъ за то въ сердцѣ своемъ. Вотъ тутъ, друзья мои, въ этой книгѣ нашель я себѣ животворящую мысль, укрьпившую меня въ вѣрѣ, поддержавшую во мнѣ надежду и чуть-чуть теплившуюся искру любви.
- Все такъ, Владиміръ Петровичъ, сказалъ Племянничковъ, все это такъ, но время все залечить.
- Голубчикъ! Вылечиваютъ и тѣхъ, у кого оторвана рука или нога: но человѣкъ все таки остается калекою. Залечить время и мою рану, но скажете ли вы, что цѣла моя душа также, какъ цѣла теперь ваша?
- Эхъ, дяденька! сказалъ Племянничковъ съ обычной ему беззаботностью, – перемѣните, пожалуста, разговоръ! Ей-богу, такая тоска.
- Пожалуй.
- И Софьинъ началъ ходить медленными шагами по комнатѣ.
- Чтожь, Николай, ты не утѣшаешь меня? сказалъ онъ потомъ Бѣликову тономъ какой-то горькой насмѣшки, остановившись передъ нимъ.
- Не нужно, отвѣчалъ Бѣликовъ грубо, и на глазахъ его навернули слезы.
- Софьинъ упалъ лицомъ въ подушку и глухо зарыдалъ.
- Есть несчастія, сила которыхъ уменьшается уже тѣмъ, что человѣку остается возможность бороться съ ними; есть другія несчастія, которыя всей тяжестью налегая на человѣка, однимъ разомъ убиваютъ въ немъ всю энергію духа и оставляютъ одно и единственное успокоеніе въ покорной преданности волѣ Провидѣнія.

Глава вторая

Владимірь Петровичъ Софьинъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые, бывъ отмѣнены перстомъ судьбы, рано обрекаются на борьбу съ жизнію и всѣми прихотливыми явленіями ея. Равно пріимчивый какъ для горя, такъ и для радостей, онъ безъ всякаго расчета расходовалъ запасъ силъ душевныхъ, щедро вложенныхъ въ него благодѣтельной природой. Не включая себя насильно въ число аристократовъ, Софьинъ трудами и прочнымъ, неволью уважаемымъ отъ свѣта, образованіемъ достигъ того, что радушно былъ принять тѣми, которые давали законы другимъ маленькимъ общественнымъ кружкамъ, сами не принимая ни отъ кого. Но блескъ, издали слѣпившій очи, скоро показалъ Софьину мишурность свою, и недовольный свѣтомъ и его обычаями, онъ рѣшился укрыться въ самага себя отъ шумныхъ и пустыхъ его развлеченій. Наука, строгая, какъ трапистъ, отъ крыла ему свое святилище; Софьинъ съ жаромъ принялся изучать ея элевзинскія таинства, чтобъ стать жрецомъ ея достойнымъ: но и тутъ недолго держалъ его одуряющій нѣкоторыя головы обманъ. Чѣмъ болѣе открывался передъ нимъ длинный и необозримый свитокъ никогда не разрѣшимыхъ задачъ нѣсколько тысячъ лѣтъ умствующаго человѣчества, тѣмъ понятнѣе становилось изреченіе Сократа, что наконецъ онъ знаетъ то, что ничего не знаетъ, уѣмъ ближе присматривался къ механической работѣ прославленныхъ тружениковъ науки, тѣмъ поразительнѣй представлялось ему сходство ихъ съ оракулами, скрывавшими подъ однимъ изреченіемъ два противоположные смысла и смотря по надобности, употреблявшими тотъ или другой. Плѣненный потомъ вдохновенными твореніями Россини и Доницетти, чудными мелодіями Шуберта и гремучими фантазіями Листа и Тальберга, Софьинъ на цѣлый мѣсяцъ усѣлся у фортепьяна и безъ усталости отъ утра до вечера колотилъ непослушныя клавиши, вызывая изъ нихъ знакомую душѣ его гармонию: но такое занятіе привело нетерпѣливаго артиста къ тому лишь убѣжденію, что Бюффонъ рѣшительно не правъ, утверждая, что геній есть – терпѣніе. Наконецъ Софьинъ схватилъ кисть и карандашъ, запасся ватманскою бумагой, оставилъ свой кабинетъ станками, бюстами и рамами, обтянутыми полотномъ, накупилъ цѣлую кучу красокъ, отпустилъ длинныя волосы, принялъ артистическую небрежность, и съ портфелемъ подъ мышкой пустился гулять по окрестностямъ, въ намѣреніи создать что нибудь въ родѣ Теньера или Корреджіо: но схвативъ простуду и съ трудомъ ускользнувъ отъ бѣшеной собаки, сильно его напугавшей, приказалъ убрать изъ кабинета весь артистическій хламъ, остригся попорядочнѣй, повязалъ галстухъ, какъ должно, застегнулъ все, чему не слѣдуетъ быть растегнутымъ, и сѣлъ, сложа руки, съ сигарою во рту. Софьинъ, какъ видите, успокоился – но надолго ли? Есть пора въ нашей жизни, когда мы вольны, какъ птичка Божія, когда сердце наше, словно мотылекъ, порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, когда умъ, не опасаясь строгаго взысканія, строитъ воздушныя замки и потомъ хладнокровно разрушаетъ ихъ самъ съ тѣмъ, чтобъ снова начать эту Сизифову работу. Разсчеты и соображенія тутъ не имѣютъ мѣста; мы бѣжимъ опроретью, безъ оглядки, по незнакомой, устилаемой цвѣтами нашего жъ воображенія дорогѣ жизни; мы въ хлопотахъ, но только объ удовольствіяхъ да наслажденіяхъ, – чудо какъ хорошо! Все вокругъ насъ такъ весело, такъ роскошно! Но чѣмъ долѣе бѣжимъ мы, тѣмъ ощутительнѣе усталость, тѣмъ пустынноѣ становятся окружающіе насъ виды, тѣмъ одиноче мы себя чувствуемъ. Глядь – на поверстномъ столбѣ жизненной дороги бѣлѣтъ цифра: 25: призадумались молодцы, но не надолго. Бѣжимъ опять; что будетъ, то будетъ, а до 40 еще далеко, – катать! И катаемъ; а между тѣмъ при малѣйшемъ углубленіи въ самихъ себя, въ насъ незамѣтно развивается потребность другой, лучшей, истинно-человѣческой жизни; а между тѣмъ мы иногда задумываемся не на шутку; а между тѣмъ усталой душѣ нашей хочется отдохнуть и сердце проситъ любви. Вдругъ видимъ на столбѣ: 30. Впереди все такъ синѣ, неопредѣльно, безцѣльно, однообразно, такая страшная пустота, – стой! Мы оглядываемся назадъ, ищемъ чего-то кругомъ себя; мы чувствуемъ, глубоко уже чувствуемъ свое

одинокость, и если не совсем израсходовали прекрасное чувство любви, – грустим, крепко грустим, сами не зная отъ чего.

Впрочемъ Софьинъ былъ не таковъ. Онъ уже бывалъ нѣсколько разъ влюбленнымъ. Какъ водится, онъ страдалъ и сильно страдалъ; клялся при встрѣчающихся препятствіяхъ пропасть совсемъ и съ головой и съ грѣшнымъ тѣломъ; громко увѣрялъ пріятелей, что наконецъ нашель давно-искомый идеаль, что идеаль этотъ поднесъ ему "чашу страстной нѣги, шире неба, глубже моря, которую онъ якобы выпилъ до дна", и наконецъ (простите! кто на своемъ вѣку не дѣлалъ глупостей!) писалъ въ новѣйшемъ вкусѣ стихи "къ ней", гдѣ вовсе не сантиментальничалъ, какъ это было въ скромные, карамзинскіе годы, а грозилъ, какъ слѣдуетъ, отчаяніемъ, ревностію а la Отелло, громами и молніями небесъ и еще чѣмъ-то чрезвычайно страшнымъ. Потомъ, когда дѣла, въ которыя вовсе некстати вмѣшивалась такая раздирательная любовь, устраивались законнымъ порядкомъ, и страстному обожателю уже неловко становилось являться къ "божественной, но коварной дѣвѣ", Софьинъ, продекламировавъ съ чувствомъ и съ должною разстановкой:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ своя мечты,

и прочее до конца, влюблялся снова въ какую нибудь Адель, и снова начиналась та же исторія.

Пришла наконецъ и ему пора войти въ самага себя, и безъ сожалѣнія, даже съ упрекомъ взглянуть онъ назадъ у на свои минувшее, и весь отдался настоящему, робка устремляя проворливый взоръ въ синѣвшую передъ нимъ даль будущности.

Но будущность, какъ мы видѣли, страшно обманула его. Девять мѣсяцевъ только прожилъ онъ съ избранницей своей, съ своей несравненной Надиной и остался тѣмъ, чѣмъ мы встрѣтили его въ началѣ нашего разказа, – остался съ сиротой, который не видалъ ласкъ матери, не слышалъ голоса ея и даже смутно не представитъ себѣ со временемъ желаннаго образа ея.

Владиміръ Петровичъ уберегъ однакожь сердце свое отъ конечнаго сокрушенія, не позволилъ уму возмутительнаго ропота и склонилъ его къ смиренной покорности неисповѣдимымъ путямъ Промысла. Вдали отъ шума городскаго, онъ началъ жить двойной жизнью: но отторгаясь одной половиной существа своего отъ неизбѣжныхъ тревоженій настоящаго, другой лучшей половиной онъ жилъ въ прошедшемъ, читая въ памяти своей прекрасныя страницы минувшаго счастья. Сначала городъ говорилъ, толковалъ и пересуживалъ поведеніе Софьина, потомъ занялся болѣе свѣжими новостями, наконецъ и совсемъ забылъ его. Софьинъ не замѣчалъ даже того, что многіе изъ его прежнихъ знакомыхъ, встрѣчаясь съ нимъ, важно подавали два пальца, или едва приподнимали шляпу, не прерывая съ спутникомъ своимъ далеко зашедшаго разговора. Онъ являлся къ должности, исполнялъ все, чего требовала отъ него служба, и молчаливый, многодумный возвращался домой жить особою, созданною имъ самимъ жизнью.

Хороша и эта жизнь, если человекъ не потерялъ способности углубляться въ себя; если еще остается въ немъ сила мысли и чувства; въ ней даже ярче свѣтится высокое достоинство человека. Жалокъ и печаленъ видъ того несчастливца, который мечется по тревоженному морю жизни съ потеряннымъ якоремъ вѣры и надежды, или который заглушаетъ горе свое въ оскорбляющихъ достоинство существа разумнаго оргіяхъ!

Софьинъ по неволѣ долженъ былъ разстаться съ своимъ сиротой – Митей. Держать его при себѣ значило бы угождать собственному эгоизму, и первыя минуты сознательной жизни младенца отравить мыслью о сиротствѣ и одиночествѣ. Не растетъ дерево на камнѣ, хоть и камень разогрѣвается до жара-пыла огненнаго; ему нужна мягкая, теплая, прохлаждающая земля... Спокойно, хоть и не безъ грусти, отпустилъ Софьинъ своего Митю къ родному дѣду

подъ теплое и нѣжное крылушко родной тетки, замѣнившей ему съ этой минуты родную мать. Долго еще нужно было ждать, пока онъ услышитъ изъ устъ младенца своего сладкое имя отца. Пусть же до того времени свѣтлые глазки новаго пришельца опальной земли встрѣтятся съ очами женщины, всегда магнетически смягчающими душу; пусть сразу не пугаетъ его сиротство, и да видитъ онъ въ близкомъ къ нему дѣвственномъ созданіи мать свою, къ которой онъ придетъ со временемъ лишь на могилу...

Софьинъ любилъ посѣщать часовню, построенную имъ надъ гробомъ незабвенной своей подруги. Тамъ просиживалъ онъ вечера, бесѣдая съ отшедшею отъ него душой словами вдохновеннаго псалмопѣвца, и чудилось ему порой, что кто-то рѣяль вокругъ его и навѣивалъ на сердце его прохладу утѣшенія. Тамъ-то понималъ онъ, что молитва действительно есть связь, соединяющая міръ видимый съ невидимымъ, есть бесѣда духа, заключеннаго въ плоти, съ духомъ, уже отрѣшившимся отъ нея. Какъ свѣтлаго праздника, ждалъ онъ субботы, когда въ храмъ Божій являлся служитель олтаря приносить безкровную жертву за души усопшихъ, когда въ живыхъ пѣсняхъ Церкви слышался какбы отвѣтный голосъ на плачь и воздыханіе сиротствующихъ; когда религія въ ощутительныхъ образахъ являлась слабому смертному благовѣстницей вѣры и надежды. Весь обливался слезами Софьинъ: но отрадны бывали эти слезы; онъ какъ будто размывали тоску души и легко вздыхалось послѣ нихъ, и спокойнѣе становилось думное чело несчастливца.

Проходили мѣсяцы, прошелъ и годъ и два года. Предсказанія нѣкоторыхъ господъ и госпожъ о неминуемой женитьбѣ Софьина плохо оправдывались. Однѣ изъ невѣсть, на которыхъ онъ указывали, повыходили за мужъ, другія оставались въ дѣвствѣ, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ привычку сплетничать и злобясь на подростковъ, оставлявшихъ ихъ на заднемъ планѣ картины, а Софьинъ все оставался грустнымъ и одинокимъ, все еще любилъ память незабвенной своей подруги.

Но всемогущее время начинало уже по немного закрывать тяжелую рану горячаго сердца.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней нѣкоторые изъ обывателей города В., бывъ обмануты яркимъ сіяніемъ утренняго солнца, пожаловали ради прогулки въ кладбищенскую церковь. Часамъ къ двѣнадцати набѣжавшая туча заговорила громомъ, залилась проливнымъ дождемъ, и оставивъ на улицахъ пѣнившіяся лужи, прошла себѣ какъ ни въ чемъ небывала. Софьинъ послѣ обѣдни, пошелъ въ часовню, и черезъ четверть часа, выглянувъ изъ дверей, увидѣлъ на церковной паперти какую-то даму, очень плотную, и съ ней молодую, миловидненькую дѣвицу. Дама съ довольно крупными жестами обращалась къ своей компаньонкѣ, и по видимому, дѣлала ей какіе-то выговоры. Дѣвица безотвѣтно и тревожно поглядывала черезъ рѣшотчатую ограду кладбища, какбы выжидая кого-то, и потомъ приподнимала умоляющіе взоры на барыню, больше и больше выражавшую нетерпѣніе и досаду.

– Нечего выглядывать-то! послышался сердитый голосъ барыни. Не припасла еще колясокъ да каретъ для вашей милости! Вѣдь говорила же, чтобъ постоялъ извошикъ; такъ нѣтъ, отпусти да отпусти, тапан; пѣшкомъ захотѣлось, променадъ сдѣлать захотѣлось. Вотъ тебѣ и променадъ!

– Да выжь сами, маменька, не захотѣли удерживать лошадей! Я вамъ и слова не говорила.

– Ну такъ! я у васъ во всемъ виновата! Да чтожь, сударыня вы моя, и у васъ алтынщица какая нибудь что ли?

Дѣвица не отвѣчала на это ни слова, но отвернувшись, поднесла къ глазамъ платокъ.

Софьинъ вышелъ изъ часовни. – Позвольте, сказалъ онъ, вѣжливо поклонившись обѣимъ дамамъ, предложить вамъ экипажъ мой.

– Ахъ, помилуйте да какъ-же это...

Жеманный тонъ, какимъ произнесены были эти слова, совершенно не гармонировалъ съ тѣми довольно крупными выраженіями, какими эта барыня потчивала сейчасъ свою компаньонку. Открытые и гнѣвные глаза ея теперь были какъ-то прищурены и сладки до приторно-

сти; самая голова ея, значительно отдѣлявшаяся отъ плотнаго бюста, теперь какъ будто ушла въ плечи, словно у индюка, когда онъ распустивъ хвостъ, собирается окликнуть пробѣгающаго мимо его мальчишку.

– Пройти теперь пѣшкомъ рѣшительно невозможно, продолжалъ Софьинъ, а я побуду еще здѣсь, и лошади мои успѣютъ воротиться.

– Ахъ, мусье, жеманно проговорила барыня; да мы же съ вами незнакомы.

– Моя услуга не такъ велика и не такъ обязательна, чтобъ требовала предварительнаго знакомства. Авпрочемъ...

– Поѣдемте, тапан, сказала дѣвушка – и покраснѣла.

– Ахъ, какія вы странныя, мадамъ! замѣтила барыня.

– Парфень! крикнулъ Софьинъ: давай!

И онъ подаль руку барынѣ, которая жеманно приняла ее и стала сходить съ ступенекъ. Дѣвица пошла за ними.

– Мы, говорила барыня, недавно изъ Петербурга, и признаться, не успѣли обзавестись экипажомъ. Все это осталось у насъ тамъ – у генерала Топорова; – это лучший другъ нашего дома. Вы съ нимъ знакомы?

– Съ кѣмъ-съ?

– Съ генераломъ Топоровымъ.

– Съ генераломъ Топоровымъ незнакомъ.

– Такъ вы не были никогда въ Петербургъ?

– Былъ.

– Какъ же вы не знаете генерала Топорова?

– Я знаю тамъ Топорова, но только помощника Директора, и опять не генерала.

– Андрея Демьяныча?

– Кажется, такъ. Онъ, помнится, только Статскій Совѣтникъ.

– Такъ этожь онъ и есть. Онъ ужъ теперь Директоромъ?

– И генераломъ?

– М-да, скоро получить да я думаю и получилъ ужъ.

– Гмъ.

Софьинъ помогъ барынѣ сѣсть въ коляску.

– Мы, голубчикъ, сказала барыня, обращаясь къ ПарФфену, живемъ на Абакумовской улицѣ, въ домѣ Чепыховской.

– Противъ колодезя?

– Противъ колодезя.

– Знаю-съ.

– Ты, голубчикъ, поѣзжай другой улицей, а не той, что мимо губернатора. Неловко какъ-то.

Софьинъ улыбнулся, усаживая въ это время и молоденькую дѣвушку и получивъ отъ нея институтское мерсі. Чему онъ улыбнулся – откровенному ли разговору жеманное барыни съ бородатымъ Парфеномъ, или этому неизбежно официальному мерсі – неизвѣстно; только, проводивъ глазами экипажъ, онъ уже не пошелъ въ часовню, а сѣлъ у паперти на одну изъ ступенекъ.

– Хорошіе господа, – говорилъ сторожь, замыкая церковныя двери, – недавно пріѣхавши, а хорошіе.

Софьинъ молчалъ.

– Барыня разговорчивая такая, и о васъ спрашивала.

Софьинъ поднялъ голову и снова опустилъ ее, молча.

– Ходили часовню смотрѣть и двугривенный пожаловали.

Софьинъ началъ выводить по песку палкою какіе-то каракули.

– И барышня-то нечто себѣ. Не во гнѣвъ вашей милости, точно сестра родная вашей покойн....

Софьинъ взглянулъ на него сердито.

– То есть, продолжалъ словоохотливый сторожъ, примѣрно сказать, оно не то чтобы бровь въ бровь, а того-съ.

Софьинъ всталъ и пошелъ бродить по кладбищу. Онъ былъ пасмуренъ и недоволенъ чѣмъ-то. Къ счастью, эпитафіи, украшавшія пышные памятники, помогли ему нѣсколько разсѣяться. На одномъ изъ нихъ Софьинъ прочиталъ, что сердобольная мать оставила въ плачевномъ сиротствѣ сына, родившагося 1792 года, которому, по вѣрному счету, оказывалось далеко за полсотню лѣтъ; на другомъ дочь купца первой гильдіи просить всѣхъ и cadaго помолиться объ усопшемъ и объ оставшейся его сиротѣ; на третьемъ выбито было золотыми буквами, что здѣсь почиетъ сномъ смертнымъ секретарь Губернскаго Правленія, титулярный совѣтникъ, Тарасъ Гвоздило; четвертая надпись гласила, что подъ симъ камнемъ погребено тѣло супруги кавалера третьей степени анны Гонораты Викентьевны Сплетницкой. Суета суетствій, подумалъ Софьинъ: и кавалерши третьей степени и титулярные совѣтники умираютъ! Онъ рѣшительно повеселѣлъ. Вообще всѣмъ страдающимъ припадками меланхоліи рекомендуется гулять по городскому кладбищу и перечитывать надгробныя надписи. Прелесть что такое!

Дня черезъ три послѣ событія, описаннаго нами, Софьинъ поѣхалъ съ визитомъ къ случайнымъ своимъ знакомымъ. Онъ узналъ, что барыня, которой удалось ему прислужиться экипажемъ, была супруга недавно прибывшаго Предсѣдателя Онисима Сергеевича Небѣды, а дѣвица, бывшая съ ней, дочь ея, не досидѣвшая только двухъ мѣсяцевъ опредѣленнаго курса въ какомъ-то учебномъ заведеніи, и взятая оттуда родителями, не пожелавшими разстаться съ дочерью и на такой короткій срокъ. Говорили, что будто Соломонида Егоровна – барыню звали Соломонидой Егоровной, – отъѣзжая въ провинцію, имѣла и другіе кое-какіе виды: но Софьинъ не счелъ нужнымъ повѣрять эти толки и ограничился поверхностными свѣдѣніями о тѣхъ лишь особахъ, которыхъ увидѣлъ онъ случайно, а что впередъ Богъ дастъ, то предоставилъ онъ времени.

Но пожалуйте, – какъ же это Софьинъ, самъ состоящій на службѣ въ томъ же городѣ, до сихъ поръ не познакомился съ такимъ важнымъ въ бюрократическомъ мірѣ лицомъ, какъ Предсѣдатель? Вѣдь ужъ болѣе мѣсяца, какъ Онисимъ Сергеевичъ отрекомендовался всѣмъ знаменитостямъ города В. А вотъ въ томъ-то и сила, что онъ отрекомендовался однимъ лишь знаменитостямъ. Соломонида Егоровна, сама пересмотрѣвъ губернской адресъ-календарь, растолковала своему супругу, къ кому онъ долженъ ѣхать не медля, кому можно и отложить визитъ, а къ кому и вовсе не ѣздить. Надо знать, что Соломонида Егоровна въ дѣлахъ такого рода была весьма свѣдуца и осмотрительна, и крайне гнѣвалась, если Онисимъ Сергеевичъ забывался какъ нибудь и позволялъ себѣ фамиліарность съ человѣкомъ, почему либо не обратившимъ на себя благосклоннаго вниманія Соломониды Егоровны. На сколько это дѣйствовало на Онисима Сергеевича, мы увидимъ въ послѣдствіи; нельзя однакожъ сказать, чтобъ онъ вовсе не слушался въ этомъ дражайшей своей половины. "Да ну тебя совсѣмъ! говаривалъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ: не поѣду, не поѣду! Не разсыпайся, пожалуста, только въ краснорѣчіяхъ-то!"

Къ несчастію, Софьинъ, по усмотрѣнію Соломониды Егоровны, попалъ во второй разрядъ будущихъ знакомыхъ его высокородія, и визитъ къ нему отложенъ былъ на неопредѣленное время. Онъ впрочемъ зналъ, что прибылъ новый Предсѣдатель, что онъ человѣкъ семейный, – и только. Дальнѣйшія свѣдѣнія о его особѣ не слишкомъ интересовали Софьина, и не случись извѣстнаго намъ происшествія на кладбищѣ, все семейство Небѣды надолго бы осталось для него покрытымъ, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности.

Глава третья

Небѣды занимали бель-этажъ въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ: но какъ водится въ провинціяхъ, домохозяинъ очень мало обратилъ вниманія на удобство входа. Не смотря на то, что Софьинъ пріѣхалъ въ самый полдень, онъ долженъ былъ пробираться почти ощупью по крутой и извилистой лѣстницѣ, и обсчитавшись одной ступенькой, крѣпко стукнулъ ногой, поднятой безъ всякой надобности, что заставило его остановиться на минуту и пожелать домохозяину что-то очень нехорошее. Отворивъ дверь прихожей, онъ чуть было не столкнулся съ какой-то салопницей и услышалъ тоненькій голосокъ, произнесшій довольно явственно слѣдующее:

– Хорошо, хорошо; доложу генералу, какъ только онъ воротится.

Въ дверяхъ залы мелькнуло что-то и исчезло за захлопнутой дверью.

– Генераль? сказалъ въ полголоса Софьинъ. Кто здѣсь квартируетъ? спросилъ онъ салопницу, не видя никого изъ прислуги.

– Генераль, батюшка.

– А не Предсѣдатель? сказалъ онъ тише, поворачивая къ дверямъ.

– Можетъ, и засѣдатель, только чинъ-то на немъ, видишь, генеральскій.

Софьинъ остановился въ недоумѣннѣи, держась за ручку двери.

Вошелъ лакей.

– Кто здѣсь квартируетъ? спросилъ Софьинъ.

– Штатскій Совѣтникъ Небѣда-съ.

– Можно его видѣть?

– Барина дома нѣтъ-съ, а барыня принимаютъ. Какъ прикажите доложить?

Сказавъ что нужно, Софьинъ остался съ салопницей.

– Взгляньте окомъ состраданія, начала она, на Творца всемогущаго и воздвигните сердце.

– Что вамъ отъ меня угодно?

– Единственно милосердіемъ высокоименитыхъ благотворителей.

Салопница замолчала, примѣтивъ, что Софьинъ доставалъ портъ-моне.

– Вдова, опять заговорила она: капитанъша, трое дѣтей, братъ слѣпой, сестра хромая, безъ крова и пристаница.

Она заморгала глазами, стараясь выжать изъ нихъ привычную слезу.

Софьинъ протянулъ къ ней руку съ какой-то мелкой монетой.

– Ахъ, батюшка! заговорила салопница, принявъ однакожь деньги. Что это вы? Развѣ я нищая? Ошибаетесь, молодець! Я благородная, вдова, капитанъша, у генераловъ бываю; меня и губернаторъ знаетъ.

– Чтожь вамъ угодно отъ меня?

– Пожалуйте-съ! сказалъ лакей, отворяя обѣ половинки дверей въ залу.

Софьинъ сбросилъ съ себя шинель и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

– Позвольте, позвольте, батюшка, – сказала салопница, заступая дорогу: взгляньте окомъ состраданія на Творца...

Софьинъ взглянулъ на лакея, который, къ счастью, былъ не глупъ и понялъ его взглядъ.

– Ну, подижь, поди! сказалъ онъ, отгѣсняя салопницу

Софьинъ прошель въ залу.

– Эхъ, ты пани на всѣ сани! говорилъ лакей, оставшись съ салопницей. А ложку зачѣмъ стянула у Ивановыхъ?

– Ахъ, ты мерзавецъ, невѣжа этакій! какъ ты осмѣливаешься...

– Ну, не пыли жь, не пыли. Вѣдь вытрусил! Будто я не знаю!

– Мужикъ необразованный! постой же, нечто я не скажу генералу...

– Тутъ тебѣ никакого нѣтъ генерала. А ты проваливай, вотъ что!

– На зложь вотъ тебѣ, не пойду, да и знай!

И однакожь сдѣлала шагъ къ дверямъ.

– У меня пойдешь! сказалъ лакей какимъ-то рѣшительнымъ топомъ, отворяя дверь прихожей.

– Ну, и пойду, конечно, пойду! Не съ тобой же хамомъ мнѣ заниматься.

– Благородная! Всякая шваль тудажь лѣзетъ въ благородные! говорилъ лакей, затворяя дверь за салопницей, которая еще что-то бормотала, спускаясь въ лѣстницы.

Въ залѣ, которою проходилъ Софьинъ, замѣтна была немалая претензія на роскошь. Занавѣси и портьеры были изъ тяжелаго штофа, но довольно подержанныя и какъ видно совершившія, кромѣ официального путешествія изъ столицы въ провинцію, нѣсколько другихъ переходовъ по нисходящей линіи. Въ одномъ углу прислонена была этажерка, уставленная фарфоровыми и бронзовыми бездѣлушками, въ другомъ стояло фортепьяно, покрытое чехломъ; въ простѣнкахъ между оконъ висѣли большія зеркала и массивная люстра обременена была нѣсколькими десятками свѣчей, что однакожь мало гармонировало съ величиной залы; старыя кресла и стулья недружелюбно поглядывали на своихъ собратій, недавно прибывшихъ изъ мебельнаго магазина и еще сохранявшихъ запахъ свѣжаго дерева. На стѣнахъ висѣло нѣсколько эстамповъ превосходной работы, и рядомъ съ ними прескверно вышитая гарусомъ какая-то картина.

Въ залѣ никого не было.

Софьинъ прошелъ въ гостиную. Тамъ на диванѣ, принявъ заранѣе обдуманную позу, сидѣла знакомая намъ барыня, Соломонида Егоровна Небѣда. Рука ея была небрежно брошена на бархатную подушку; богатое шелковое платье охватывало ея плотный бюстъ, рельефно обрисовывая всѣ его округлости; легенькій чепчикъ едва касался волосъ, взбитыхъ à la помпадуръ; массивный браслетъ втиснулся въ ея мясистую руку и заставлялъ подозрѣвать, что это украшеніе, перенятое нашими львицами у дикихъ, не безъ значительной боли обходилось дебелой щеголихѣ.

На вѣжливый поклонъ Софьина Соломонида Егоровна граціозно покачнулася всемъ корпусомъ и показавъ рукой на кресло, проговорила самымъ мягкимъ и какбы болѣзненнымъ голосомъ:

– Prétez place, мусье Софьинъ.

– Извините, что я такъ замедлилъ засвидѣтельствовать...

– Mieux tard, que jamais, сказала Соломонида Егоровна, очень кстати перебивъ глупо-официальное начало этикетнаго визита: признаться, мы еще не устроились, какъ слѣдуетъ. Только какой ужасный вашъ городъ! Нигдѣ нельзя достать порядочной мебели.

– У Голли, кажется, недурна; дорога только.

– Ахъ, какъ это можно говорить? Не въ томъ, что дорога; мы готовы заплатить, что угодно, но дурна, ужасно дурна. Можете вообразить, каково привыкать къ мебели какого-то тамъ вашего Молли, Голли право, не знаю, послѣ Гамбсовской. У насъ въ Петербургѣ вся мебель была отъ Гамбса.

Дѣйствительно, сказать что нибудь противъ этого было очень трудно, и Софьинъ молчалъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ мебели Гамбса, покоившей тучную особу барыни.

– И все это нами продано рѣшительно за безцѣнокъ, продолжала Соломонида Егоровна.

– Да, переѣзды никогда не обходятся безъ потерь.

Сказавъ такой глубокомысленный афоризмъ, Софьинъ опять замолчалъ. Богъ его знаетъ, или ужъ въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ онъ разучился говорить, или Соломонида Егоровна имѣла въ себѣ что нибудь расклеивающее всякую складную рѣчь только разговоръ какъ-то не вязался. Къ вопросамъ о здоровьѣ, къ толкамъ о погодѣ Софьину не хотѣлось прибѣгать, и потому онъ

положилъ лучше слушать, и смотря уже по обстоятельствамъ, подкинуть и свою какую нибудь сентенцію.

– Скажите, мусье Софьинъ, есть тутъ у васъ какое нибудь общество?

Опять вопросъ, весьма трудный къ разрѣшенію, но однакожь отвѣчать все-таки надо.

– По крайней мѣрѣ, сказала Софьинъ, нельзя отказать въ этомъ ни одному губернскому городу.

– Да, это конечно, съ достоинствомъ, подтвердила Соломонида Егоровна. Толькожь такое, я думаю, и общество! Какіе нибудь совѣтники, секретари...

– Есть и совѣтники и секретари, которые не уронили бы никакого общества.

– Да всежь это не то, что называется *société*. Вотъ въ Петербургѣ, напримѣръ... повѣрите ли, мусье Софьинъ, отъ однихъ каретъ не было проѣзду мимо нашего дома. Всепервостепенные сановники да всякія знаменитости – вотъ это такъ общество! А здѣсь ктожь такой?

Софьину видимо становилось досадно.

– По Сенькѣ шапка, сказала онъ съ провинціальной откровенностью.

– Ахъ, мусье, замѣтила барыня, жеманясь, какъ недавно выпущенная институтка, какъ въ странно выражаетесь!

– Вотъ тебѣ разъ, подумаль Софьинъ, а ты небось лучше выражалась на кладбищѣ-то! – Извините, сказала онъ улыбаясь, но пригоднѣй этой поговорки мнѣ на этотъ разъ ничего не пришло въ голову.

– Я ужасно была зла на моего Онисима, сказала Соломонида Егоровна, уладивъ серьезную физиономію и какбы желая удержать этимъ гостя въ предѣлахъ галантерейной вѣжливости; какъ таки ѣхать на службу въ такое захолустье? Развѣ ты не можешь, говорила я ему, взять себѣ приличное мѣсто въ Петербургѣ? Тебѣ стоитъ сказать лишь слово... его тамъ просто на рукахъ носили. Я вамъ говорю, продолжала Соломонида Егоровна, приходя въ воодушевление, – такого человѣка, какъ мой Онисимъ, нѣтъ другаго въ цѣломъ мірѣ. Этакой честности, этакого благородства вы ни въ комъ не встрѣтите! Самъ министръ всегда ставилъ его въ образецъ другимъ...

– Смѣю васъ увѣрить, что для достоинствъ вашего супруга и провинція слѣпа не будетъ, сказала Софьинъ, рассматривая кончикъ своего сапога.

– Достоинства моего мужа не для провинціи! гордо отвѣчала Соломонида Егоровна. Мы *одначе* останемся тутъ не на долго. Онисимъ Сергѣевичъ ожидаетъ лишь производства въ генералы, а потомъ тотчасъ же возьметъ переводъ въ столицу; тамъ ужъ и мѣсто для него приготовлено, директорское мѣсто. Онъ будетъ Директоромъ въ одномъ Департаментѣ.

Владиміръ Петровичъ рѣшительно не могъ найтись, что сказать на это.

– А вы, продолжала Соломонида Егоровна, послѣ нѣкотораго молчанія, большой имѣете тутъ кругъ знакомства?

Не легко было отвѣчать и на этотъ вопросъ, особенно послѣ того, что говорила до сихъ поръ барыня.

– Сколько это возможно въ провинціи, сказала Софьинъ.

– А я такъ еще не успѣла никому сдѣлать визита. Такое мученье безъ собственнаго экипажа! Съ отчаянья поѣдешь и на извожикѣ.

И Соломонида Егоровна начала нѣжно и гармонически хохотать надъ своей такой отчаянной рѣшимостью, придерживая рукою мясистую грудь.

Софьинъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

– Мaman! послышалось изъ боковыхъ дверей.

– *Qu'est que voulez-vous? Tout-suit!* Вы, мусье Софьинъ, конечно, позвольте мнѣ познакомиться васъ съ моимъ семействомъ, сказала Соломонида Егоровна, поднимаясь съ дивана и направляясь къ боковымъ дверямъ.

Софьинъ поклонился.

Соломонида Егоровна вошла было, и потомъ вернулась, проговоривъ съ граціозной улыбкой: pardon, мусье! взяла позабытый на канапе платокъ и вышла.

– Что это такое? сказалъ Софьинъ, оставшись одинъ: мистификація или отчаянное безстыдство? Ей-богу, не понимаю.

Онъ задумался на минуту, потомъ поправилъ волосы, взглянулъ въ зеркало и сталъ зѣвать по сторонамъ. Наскучивъ этимъ занятіемъ, Софьинъ принялся пересматривать модныя картинки, лежавшій на столѣ.

– Pardon, мусье, сказала Соломонида Егоровна, выходя черезъ нѣсколько минутъ: я такъ долго заставила васъ ждать себя.

– Дай-ка, подумаль Софьинъ, заговорю я съ ней по французски. Можетъ, она на этомъ діалектѣ умнѣе, чѣмъ на своемъ природномъ. – Вы, сказалъ онъ по французски, оставили меня при самомъ интересномъ занятіи. Пересматривая эти картинки, я удивлялся своенравію моды, которая такъ любить повторять себя.

– Вуй, мусье, отвѣчала Соломонида Егоровна, и въ тоже время устремила безпокойный и нетерпѣливый взоръ на боковыя двери.

– Не помню, кто-то замѣтилъ, продолжалъ Софьинъ все на томъ же языкѣ, что мода сваливаетъ свои издѣлія въ одну кадущку; наполнивъ ее до верха, она переворачиваетъ кадущку верхъ дномъ, и снова начинаетъ брать старое съ маленькими лишь прибавленіями да перемѣнами.

– Да-съ, сказала Соломонида Егоровна по русски и какъ-то напряженно и взволнованно: мы получаемъ это прямо изъ Парижа.

– Что такое? спросилъ Софьинъ тоже по русски.

– Вы говорите о Журналѣ Модъ? отвѣчала Соломонида Егоровна, покраснѣвъ страшно.

– Да, точно такъ-съ, о журналѣ-съ, сказалъ Софьинъ, опустивъ глаза.

– Я, признаться, хорошо ни разслушала васъ. Мои мысли были заняты не такими пустяками... это все дѣти... говорила Соломонида Егоровна, стараясь, сколько можно, поправиться.

– Вотъ тебѣ и нафранцузиль! подумаль Софьинъ. И что за охота болтать, какъ попугай, нѣсколько затверженныхъ словъ, обманывая лишь добрыхъ людей? Ну, барыня!..

Дверь отворилась и вошла... но это была не та дѣвица, которую Софьинъ видѣлъ на кладбищѣ. вмѣсто юнаго, миловиднаго личика, предстало ему одутлое, калмыковатое лицо дѣвы, при которой ужъ не говорить о лѣтахъ; вмѣсто застѣнчивости и наивности, просвѣчивавшихъ въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ юной знакомки Софьина, въ этой съ перваго же раза бросалась въ глаза какая-то бойкость и самоувѣренность. Она вошла смѣлой и даже нѣсколько гордой поступью, и бросивъ невнимательный взглядъ на гостя, подошла къ Соломонидѣ Егоровнѣ и поцаловала ея руку.

– Рекомендую, та сѣге, мусье Софьинъ. Мусье Софьинъ, дочь моя Елена.

Софьинъ поклонился; мадмуазель кивнула ему головой и усѣлась рядомъ съ матерью.

– А Marie? спросила Соломонида Егоровна.

– Одѣвается еще, мамаша душечка.

– Вотъ ужъ возится-то! Не привыкла еще, знаете, продолжала Соломонида Егоровна, обращаясь къ Софьину, не привыкла къ порядочному туалету. Въ этихъ заведеніяхъ все хорошо, только ужасъ какъ мизерно дѣтей содержать. Никакого нѣтъ вниманія ни къ званію, ни къ состоянію дѣвицы.

– Мнѣ кажется, сказалъ Софьинъ, что такое уравненіе всѣхъ званій и состояній есть одно изъ лучшихъ средствъ образовать характеръ дѣвушки.

– Дѣвушки, можетъ быть, но не дѣвицы, замѣтила, вздернувъ верхнюю губу, m-elle Елена.

– А развѣ между этими словами есть какаянибудь разница?

– Я думаю, подхватила Соломонида Егоровна. Дѣвица – это значитъ благородная дѣвица; а дѣвушка – это просто дѣвушка, сѣнная, горничная.

– Извините, сказала улыбаясь Софья; я доселѣ не знала такого тонкаго различія...

– Отъ того-то, ѣдко замѣтила Елена, вы и полагаете, что уравненіе званій и состояній образуетъ характеръ дѣвицы.

– Не только полагаю, но даже утверждаю.

– А я, сказала Соломонида Егоровна, утверждаю и докажу вамъ, что это скорѣй портитъ, чѣмъ облагораживаетъ характеръ дѣвицы. Какаянибудь тамъ дочь выслужившагося чиновника привыкаетъ къ несвойственной ей фамилярности съ такими изъ своихъ подругъ, которыя выше ея и по званію и по состоянію. А дѣвица съ значеніемъ становится наряду съ твореніями, которыя потомъ у себя дома ничего не увидятъ богаче ситцеваго платья. Ну, довольно того, что я едва могла отучить мою Мари отъ этихъ упрашиваній да умаливаній. Сами посудите, пѣтъ, чтобы приказать тамъ какойнибудь горничной просто: принеси молъ или подай проворнѣй; нѣтъ, надо, видите, прибавить: сдѣлай милость, или пожалуста. Да чего, наша Алѣнка всегда была Алѣнкой, а теперь, по милости моей дочки стала Еленой; говорить, что нельзя переименовывать имени, что при крещеніи дано; тудажъ философствуетъ. Сами посудите, мусье Софья, на что это похоже? Какаяжъ будетъ разница между Еленой дѣвкой и Еленой барышней? Я хоть и мать, но должна признаться, что у моей институтки дурной тонъ. Да-съ, дурной-съ, прибавила Соломонида Егоровна, подмѣтивъ на устахъ гостя неосторожно мелькнувшую улыбку, дурной, увѣряю васъ. А гдѣ онѣ его набираются? Въ заведеніяхъ этихъ, – гдѣжъ больше? Елена моя воспитывалась дома, а могу сказать, что понимаетъ себя во сто разъ лучше какойнибудь тамъ вашей институтки.

Елена поцѣловала руку доброй матери; а Софья, наклонивъ голову, переминала края своей шляпы.

– Вы были въ Петербургъ? ни съ того, ни съ сего отозвалась Елена.

– Была, отвѣчала Софья, поднявъ голову.

– Давно?

– Давно.

– Значитъ, ваши свѣдѣнія о Петербургѣ absolutement отстали отъ современности?

– Можетъ быть.

– Comment?

– Я говорю: можетъ быть.

– Вы любите музыку?

– Къ несчастію.

– Почему же, къ несчастію?

– Потому что у насъ въ городѣ играютъ много, а слушать нечего.

Софья, какъ легко можно замѣтить, была въ прескверномъ расположеніи духа.

– Вы злы, какъ я вижу, сказала Елена.

– По неволѣ будешь золь, когда озлобятъ! сказала Софья какъ-то отрывисто, но потомъ, какбы спохватившись, онѣ прибавилъ: я говорю о здѣшнихъ артисткахъ. Всякая старается словно оглушить васъ безпардонной колотней; всѣ копируютъ Листа, какъ будто этотъ фортопьянный волтижеръ можетъ быть для когонибудь образцомъ. Ни одна не посоветуется съ изящнымъ вкусомъ; ни одна не поговоритъ съ своимъ сердцемъ. Трудности выполненія, хаотическая бѣготня звуковъ – вотъ все, что вы увидите у лучшихъ нашихъ піанистокъ!.. Извините однакожъ, я слишкомъ вдаюсь въ меломанію. Это одна изъ моихъ слабостей, прибавилъ Софья улыбувшись.

– И очень приятная слабость, подхватила Елена.

– А вотъ, заговорила Соломонида Егоровна, станете бывать у насъ почаще, такъ услышите мою Елену. Она брала уроки у лучшихъ петербургскихъ артистовъ, и могу похвалиться, что играетъ такъ, какъ здѣсь и не слышали никогда.

– Ахъ, maman, vous me flattez, сказала Елена, цѣлуя руку нѣжной матери. Но при такомъ строгомъ критикѣ, какъ мусье Софьинъ, я играть ни за что не стану.

– Что вы это говорите, ma chère. Вы играли при значительныхъ артистахъ, я тѣ отъ васъ были въ восторгѣ, – какъ же послѣ этого...

– А слышали вы, перебила Елена, monsieur Софьинъ, какъ поетъ Марио?

– Нѣтъ, не слышала.

– Это божественно! это очаровательно! Послѣ него никого нельзя слушать.

– Я слышала Рубини.

– Что Рубини!..

– Вы изволили его слышать?

– Хотя и не слышала, но кудажь ему противъ Марио? Ахъ, это божественно! Да какой къ томужь онъ милашка! Не правда ли, мамаша душечка?

– Елена моя восторженная артистка, съ улыбкой сказала Соломонида Егоровна.

– Ахъ, мамаша душечка, да какъ же не быть въ восторгѣ отъ такихъ людей, какъ Марио?

– Всежь онъ не болѣе какъ пѣвецъ, съ достоинствомъ сказала Соломонида Егоровна.

– Но знаете ли, мамаша душечка, я еще въ Петербургѣ слышала, что въ него влюбилась какая-то княгиня и женится съ нимъ.

– Женится съ нимъ, – какъ это вы говорите? замѣтила Соломонида Егоровна.

– Ахъ pardon! я ужасно дурно говорю по русски, сказала Елена, обращаясь къ Софьину.

– Это немножко странно! Вы русская и дурно говорите по русски.

– Не хочу! рѣзко отвѣчала Елена.

– А, это другое дѣло.

– Въ Петербургѣ, сказала Соломонида Егоровна, во всѣхъ лучшихъ обществахъ, гдѣ мы ни бывали, не говорятъ по русски.

– Позвольте усомниться.

– Я васъ увѣряю. Связи наши позволяли намъ бывать запросто въ самыхъ аристократическихъ домахъ; только шагъ черезъ порогъ, – bonjour, bonjour и потомъ пошли ужъ все по французски да по французски. Je vous assure, мусье Софьинъ.

– На какомъ же языкѣ вы говорили? бухнулъ Софьинъ вовсе некстати. Если такія особы, какъ вы, уважали языкъ русскій, то не понимаю, ктожь бы осмѣлился пренебрегать имъ.

Этотъ глупѣйшій комплиментъ поправилъ грубую выходку Софьина. Соломонида Егоровна, вспыхнувшая было отъ гнѣва, совершенно успокоилась и торжественно проговорила: уважать языкъ народный должно болѣе всего.

Дверь снова отворилась и вошла знакомка Софьина. Она дурно была причесана, хоть платье, сидѣвшее на ней какъ то неловко, не уступало въ богатствѣ платью сестры.

– А вотъ и знакомая ваша! проговорила Соломонида Егоровна, благосклонно улыбаясь Софьину. Ахъ, ma chère, гдѣжь у васъ браслетъ-то?

Дѣвушка покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ и робко поглядывала то на мать, то на сестру. Соломонида Егоровна съ неудовольствіемъ покрутила головой и указала сконфуженной дочери на кресло подлѣ себя.

– Какъ вы неловки, Марья Онисимовна! сказала она, обдергивая на ней платье.

Софьинъ глядѣлъ на свою знакомку и съ лица его исчезало недовольство. Такъ съ зеленѣющаго поля сбѣгаетъ тѣнь, отраженная мимоходящимъ облачкомъ.

– Скучень, конечно, показался вамъ нашъ городъ, сказалъ Софьинъ, обращаясь къ Marie. Marie взглянула на мать и не отвѣчала ни слова.

– Чтожь вы молчите, сударыня? Отвѣчайте же! сказала Соломонида Егоровна.

– Одно ужъ посѣщеніе вами кладбища, продолжалъ Софьинъ, гдѣ я имѣлъ счастье въ первый разъ васъ встрѣтить, могло привести меня къ такому заключенію.

– Чѣмъ же тутъ городъ виновать? проговорила Marie. Онъ, конечно, не столица; но гдѣ есть люди, какъ тамъ скучать? А посѣщеніе нами кладбища было совершенно случайно. На канунѣ того дня былъ у насъ Пустовцевъ...

– Желалось бы, сказала Софьянъ, намѣренно отклоняя рѣчь отъ Пустовцева, чтобъ ваше доброе мнѣніе о городѣ осталось при васъ и послѣ ближайшаго съ нимъ знакомства. Впрочемъ отъ такого снисходительнаго судьи, какъ вы, нетрудно ожидать этого.

– Мы всѣ хороши, сказала кобенясь Соломонида Егоровна, пока насъ свѣтъ не испортилъ.

– Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить неиспорченное, что испорченнаго этимъ свѣтомъ очень много, сказала Софьянъ непростительно-дерзко.

Но Соломонида Егоровна не нашла въ этомъ особенной дерзости; она даже на всякій случай затвердила про себя эту сентенцію. Вообще Соломонида Егоровна страхъ какъ любила афоризмы и высокопарныя аксіомы, и чѣмъ запутаннѣй и краснорѣчивѣй была сказанная при ней сентенція, тѣмъ больше она работала головой, стараясь запомнить ее. При первомъ же случаѣ она пускала ее въ ходъ, не заботясь о томъ, кстати ли ея выходка или некстати. Все дѣло въ томъ лишь бы сказать, а тамъ какъ себѣ знаете. Останавливался при такой странной выходкѣ вошедшій въ азартъ разскащикъ, желая знать, съ какого конца и какой нитью пришита къ нему сентенція Соломонида Егоровны, но не добившись толку, продолжалъ разсказъ свой обыкновеннымъ порядкомъ. А между тѣмъ Соломонида Егоровна оставалась совершенно довольною, разрѣшившись отъ бремени, долго тяготившаго ея память, и вполне была убѣждена, что между слышавшими ея сентенцію есть же какой нибудь не вертопрахъ, который пойметъ всю оной силу и премудрость.

– Чегожь сталь, дуралей? послышался въ прихожей какой-то звонкій, дѣтскій голосъ. Шинель снимай!

– Это Жоржъ, сказала Соломонида Егоровна, нѣжно улыбаясь. Какъ это хорошо, что онъ пріѣхалъ! Теперь вы познакомитесь со всѣмъ моимъ семействомъ, мусе Софьянъ.

Софьянъ взглянулъ въ отворенную дверь залы. Тамъ проходилъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцати съ папироской во рту. Одѣтъ онъ былъ совершенно какъ взрослый; длинный жилетъ на цѣлый вершокъ виднѣлся изъ подъ фрака, застегнутаго на одну верхнюю пуговицу; толстая золотая цѣпочка съ массивнымъ замкомъ вдѣта была въ послѣднюю петлю жилета; бѣлыя перчатки, уже порванныя, были неукоризненно чисты, и только цвѣтной, ярко-оранжевый галстухъ нѣсколько гармонировалъ съ возрастомъ мальчишки франта.

– Чортъ побери, тапан, сказала онъ, вбѣгая въ гостиную, и вмѣсто того, чтобъ стянуть изорванную уже перчатку, онъ обрывалъ ее по кускамъ. – Нечего сказать, нашла время, когда дѣлать визиты! Никого не засталъ дома. Всѣ въ какой-то должности, что ли.

– Рекомендую вамъ моего Жоржа, сказала Соломонида Егоровна.

Мальчишка дерзко взглянулъ на Софьюна, вымѣрлялъ его глазами съ головы до ногъ, и не выпуская изо рта папироски, медленно подошелъ и подаль ему руку. Послѣ этой продѣлки онъ взбросилъ на головѣ рыжеватые волосы, развалился въ креслѣ, положивъ ногу на ногу, и продолжалъ курить папироску, пуская кольцами дымъ къверху.

– Я его готовлю въ Артиллерійское Училище, заговорила Соломонида Егоровна. Про его способностяхъ, при нашихъ связяхъ онъ далеко можетъ пойти. Знакомые наши: сенаторъ Чернушкинъ, князь Балобанъ, князь Чеверидзевъ, графъ Верховитскій, – да мало ли? всѣ они съ удовольствіемъ помогутъ мнѣ въ этомъ случаѣ.

– А вы гдѣ учились? спросилъ мальчикъ, пуская дымъ прямо въ лицо Софьюну.

– Я учился тамъ, гдѣ вамъ еще слѣдуетъ учиться, серьезно отвѣчалъ Софьянъ.

– Нѣтъ, извините; гдѣ вы учились, тамъ я ужъ навѣрно не стану учиться. Вы учились для штатской, а я буду учиться для военной.

– Наука, мой другъ, вездѣ одна.

– Нѣтъ, не одна. Съ иными науками я и знаться не хочу. Филька! крикнулъ онъ. Папироску!

– Жоржъ мой, сказала Соломонида Егоровна, имѣеть удивительныя способности. Его приготавливалъ въ Петербургѣ полковникъ Паделеръ. Онъ говорилъ мнѣ, что ему никогда не случалось встрѣчать такую быстроту соображенія, такую находчивость. Можете вообразить, мусье Софьинъ, какъ это пріятно особенно материнскому сердцу!

– Вы какіе курите папироски? спросилъ Жоржъ, не поднимая головы и выбирая папироски изъ ящика, который держалъ передъ нимъ лакей.

– Никакихъ.

– А я курю Спиглазовскія; другихъ и въ ротъ не беру. Совѣтую и вамъ курить Спиглазовскія.

– Вѣрно, я не дождусь Онисима Сергеевича, сказалъ Софьинъ, поднимаясь съ кресла.

– Да, не скажу, чтобъ онъ могъ быть скоро, отвѣчала Соломонида Егоровна. Повѣрите-ли, – отдыха, бѣдный, не знаетъ. Такой, я вамъ скажу, ревнительный до службы; всюду самъ. Тамъ эти совѣтники да секретари такъ только, для счету, а то все онъ, все онъ. Самъ министръ ставилъ его всегда въ образецъ...

– Позвольте же засвидѣтельствовать...

– Очень вамъ благодарна. Вы однакожь позвольте видѣть васъ у себя когда нибудь вечеромъ?

Софьинъ поклонился.

– Вы знакомы съ Пустовцевымъ? спросила Елена.

– Знакомъ нѣсколько.

– Вотъ онъ у насъ часто бываетъ: приходите хоть съ нимъ.

– Прекрасный человекъ! прибавила Соломонида Егоровна.

– А верхомъ вы ѣздите? сказалъ Жоржъ, вставая съ кресла и протягивая руку Софьину.

– Нѣтъ, душенька.

– Что-съ? вскрикнулъ Жоржъ обиженнымъ тономъ, отставивъ руку.

– Не ѣзжу, говорю.

– Это скверно!

– Жоржъ! сказала Соломонида Егоровна, качая головой.

– Вѣдь вы еще не такъ стары, продолжалъ Жоржъ, не обращая никакого вниманія на предостерегательное качаніе маменькиной головы.

– За то, душенька, и не такой ребенокъ, какъ вы.

Софьинъ откланялся дамамъ. Жоржъ провожалъ его къ дверямъ.

– А какъ васъ зовутъ?

Софьинъ остановился и съ замѣтной досадой доставъ изъ кармана визитную карточку, отдалъ ее мальчишкѣ.

– Вла... диславъ, нѣтъ, Владиміръ Перт... Петровичъ Саф... Соф... Софьиновъ... какая страшная фамилія! читалъ Жоржъ, остановившись у дверей.

Софьинъ между тѣмъ вышелъ и почти бѣгомъ пустился съ лѣстницы.

– Теперь куда-съ? спросилъ Парфень.

– Хоть къ чорту, только со двора проворнѣй.

– Видно, угощеніе-то было не такъ чтобы... думалъ Парфень ухмыляясь.

– Вотъ звѣринецъ-то! говорилъ Софьинъ расхаживая въ своемъ кабинетѣ. Ну, знакомство же послалъ мнѣ Господь! Должно быть и домовладыка-то самъ препорядочный селезень!

– Жаль, истинно жаль! продолжалъ онъ уже съ другаго тону. Испортятъ, искалечатъ они ее!

О комъ это говорилъ Софьинъ, кого такъ жалѣлъ, авторъ рѣшительно не можетъ догадаться и предоставляетъ это болѣе опытной смѣтливости читателей и особенно читательницъ.

На другой день, часу въ десятомъ утра, когда Софьинь, благодаря халатному расположенію русской природы, еще не выходилъ изъ своей спальни и покоясь въ просторныхъ креслахъ, допивалъ кофе, заглядывая въ промежуткахъ въ какую-то газету, вошелъ въ попыхахъ Племянничковъ.

– А я къ вамъ передовымъ, дяденька.

– Что это значитъ?

– И шуме и гуде, Небѣда къ вамъ иде.

– Что такое?

– Его высокородіе, господинъ статскій совѣтникъ, предсѣдатель... какой бишь Палаты? Онисимъ Сергеевичъ Небѣда сейчасъ соблаговолитъ осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ.

– Такъ рано?

– Рано? А кредиторы бестіи встаютъ еще раньше и выгоняютъ изъ дому добрыхъ людей чуть не до свѣта.

– Да вы шутите! сказалъ, поднимаясь съ кресла, Софьинь.

– Ей-богу, не шучу! Я входилъ въ ворота, а онъ поворачивалъ въ эту улицу, я я видѣлъ вотъ этими глазами, какъ будочникъ показывалъ ему вашу квартиру.

– Никита! крикнулъ Софьинь, проворнѣй одѣваться! Послушайте, Ѳедоръ Степанычъ, вы пойдете въ залу и покажѣте займете тамъ гостя.

– Могимъ-съ, могимъ.

– Вы знакомы?

– Гдѣ намъ съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ?

– Такъ какъ же быть?

– Да ничего, дяденька, одѣвайтесь. О прочемъ не извольте беспокоиться; останетесь довольны.

У подъѣзда послышался звонокъ. Никита вышелъ въ коридоръ.

– Послушайте, Ѳедоръ Степанычъ, пожалуста, будьте при немъ поскромнѣе.

– Съ тѣмъ, что извольте-съ.

– Идитежь, идите.

Племянничковъ вышелъ въ залу, схватилъ какую-то книгу, и усѣлся на диванѣ.

Вошелъ Онисимъ Сергеевичъ Небѣда. Это былъ приземистый, сгорбившійся, но при всемъ томъ крѣпкой, матерой природы старичокъ съ анной на шеѣ. Онъ не имѣлъ привычки смотрѣть въ глаза тому, съ кѣмъ случалось разговаривать ему въ первый разъ; голову держалъ онъ какъ-то налѣво и всегда почти глядѣлъ изъ подлѣбья: но за всемъ тѣмъ на лицѣ его нельзя было не подсмотрѣть добродушія и честной прямоты.

– Здравствуйте! сказалъ онъ, подавая руку Племянничкову.

– Мое почтеніе.

– Рекомендуюсь.

– И я рекомендуюсь.

– Вы Софьинь?

– Нѣтъ-съ, Племянничковъ.

Небѣда поднялъ голову и взглянулъ на него. Племянничковъ стоялъ ровно и спокойно.

– А Софьинь гдѣжь?

– Въ спальнѣ.

– Одѣвается?

– Одѣвается.

И Небѣда, поставивъ шляпу на столъ, началъ ходить изъ одного угла въ другой, потирая руки и шипя, какъ будто пришелъ съ морозу.

– Вы давно здѣсь? сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, не глядя на Племянничкова.

– Гдѣ-съ?

- Тутъ.
- Сейчасъ только пришель.
- Гмъ. Опять модчаніе.
- Вы нездѣшній? заговорилъ Небѣда.
- Не здѣшній.
- Изъ Петербурга?
- Изъ Петербурга.
- Чтожь, коронація?
- Была,
- И... того... посданники?
- Были.
- А иллюминація?
- Была.
- Въ Москвѣ?
- Была и въ Петербургѣ.
- А которая лучше?
- Московская.
- А желѣзная дорога?
- Есть и желѣзная дорога.
- Изъ Петербурга въ Москву?
- Туда и обратно.
- Рабочіе прозвали ее чугушкой?
- Чугушкой.
- А вѣдь смышленъ русскій народъ?
- Смышленъ.
- Вы давно изъ Петербурга?
- Четыре года.
- Что?! сказалъ Небѣда, остановившись.
- Четвере года, говорю.
- Да какъ же вы все это знаете?
- Въ газетахъ вычиталь, отвѣчалъ Племянничковъ, не моргнувъ даже глазомъ.
- Вы шутникъ, должно быть.
- Вотъ тебѣ разъ! подумаль Племянничковъ. Почемужь вы такъ думаете? спросилъ онъ.
- Да по вашимъ отвѣтамъ.
- Не могъ же я отвѣчать вамъ: не знаю, когда вы спрашиваете о такихъ вещахъ, которыя всѣмъ уже извѣстны и которыя, какъ я вижу, вы знаете лучше меня.
- Вы угадали. А служите гдѣ нибудь?
- Служилъ.
- А теперь?
- Не служу.
- Что такъ?
- Въ отставкѣ.
- По семейнымъ дѣламъ?
- По семейнымъ дѣламъ.
- А послѣ?
- Что Богъ дастъ.
- Съ чиномъ?
- Съ чиномъ.
- Какимъ?

- Коллежскаго.
- Ассесора?
- Нѣтъ.
- Совѣтника?
- Нѣтъ.
- Кого же?
- Секретаря.
- Мало.
- Будеть съ меня.
- А зовутъ васъ какъ?
- Ѳедоръ.
- А по отчеству?
- Степановичъ.
- А прозваніе?
- Племянничковъ.
- Да, бишь, вы говорили. Ну, будьте знакомы; вы мнѣ понравились.
- Вотъ тебѣ разъ! хотѣлъ сказать Племянничковъ. Очень вамъ благодаренъ, проговориль онъ, чуть не расхохотавшись.
- Оба замолчали.
- Небѣда отошеть къ окну.
- Вишь ты подлець какой! говорилъ онъ, глядя на улицу. Чѣмъ бы курицу-то взять за ноги, а онъ ее за крыло тащить. Экіе протоканалы!
- Вотъ штука то, разсуждалъ въ свою очередь Племянничковъ. Въ первый разъ въ жизни приходится мнѣ такъ оригинально завязывать знакомство! Да это чудеснѣйшій человѣкъ, ей-богу! Чтожь это мнѣ толковали, что онъ бука? Немножко кратокъ, за то ясенъ.
- Извините, Онисимъ Сергеевичъ, сказала Софья, поспѣшно подходя къ Небѣдѣ.
- Ничего-съ. Мнѣ тутъ не скучно было. Вашъ пріятель препрятный человѣкъ; лишняго не болтаетъ.
- Племянничковъ чуть не лопнулъ со смѣху. Онъ поклонился Небѣдѣ ниже надлежащаго и почти отворотился отъ Софья.
- А вы, продолжалъ Небѣда, только что отъ сна возтавь?
- Да, заспался не много.
- Счастливецъ! А тутъ вотъ, чортъ его знаетъ, нѣтъ времени ни выспаться, ни къ добрымъ людямъ заглянуть.
- Точно-съ, ваша должность...
- Что мнѣ должность! тутъ другая должность: по опекунскому управленію.
- По опекунскому?
- Ну да, по опекунскому. Вы, можетъ, слышали про Струмынскихъ? Въ Минской губерніи, – какъ не слышать? Еще такіе богачи, что чорту страшно. Послѣ старика то остался наслѣдникомъ слабоумный; вотъ меня и втюрили къ нему въ опекуны. Тамъ, видите, есть у меня имѣньишко, такъ – паршивое. Ну, пока я былъ такъ себѣ, значить, вольный козакъ, не при должности, значить, – еще поль-бѣды. А вотъ теперъ какъ навалили мнѣ на шею предсѣдательство, и танцуй себѣ, какъ бѣсъ передъ заутреней.
- Да, хлопотно.
- Хлопотно, – это бѣ еще туда-сюда, да поѣхать-то туда не сподручно. Ужь истинно сказать, не было печали, черти накачали.
- А гдѣжь наслѣдникъ-то самъ?
- Гдѣ, за границей деньги мытарить.
- Вотъ на это у него, видно, хватаетъ толку, отозвался Племянничковъ.

– Кой тамъ чортъ хватаетъ! Мытарятъ тѣ, что при немъ, а его – моего голубчика – небось кормятъ нѣмецкими бирсупами да бламанжеями разными. Тудажъ вылечить думаютъ; чорта тамъ вылечать! Дурака хоть всего пластырями облѣпи, все останется дуракомъ.

– Вотъ-бы хорошо приписаться въ роденьку къ такому благопріятелю! смѣясь, замѣтилъ Племянничковъ.

– Много бы взяли! У слабоумнаго-то сынъ есть.

– Сынъ?

– То-то и есть-то!

– Откудажъ онъ взялся?

– Оттудажъ! Понесъ старина на душѣ грѣхъ въ могилу! Вздумалъ, видите ли, женить дурня-то еще при жизни своей, для ради, знаете, потомства. Ну, видимое дѣло, кто не пойдетъ за такого богача? онъ же еще и недурень собой. Съ руками оторвутъ. Женили. Старикъ и положилъ, что буде ежели родится отъ невѣстки наслѣдникъ, то онъ отсыплетъ ей полмилліона серебромъ, ей-богу, такъ и въ завѣщаніи написалъ. Баба-то была не промахъ. Къ году и произвела сынишку, да такого славнаго, ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца.

– Гдѣжъ она теперъ?

– Гдѣ, она тотчасъ же, какъ получила слѣдуемое-то, такъ и маршъ за границу. Сказываютъ, что ужъ давно вышла тамъ за мужъ за какого-то сочинителя.

– И вѣрно, этотъ сочинитель послѣднимъ своимъ романомъ довольнѣй, чѣмъ всѣми прежними, сказалъ Племянничковъ.

– Еще бы!

– Такъ вотъ еще какія у васъ занятія!

– А, чтобъ ихъ всѣ черти побрали! Отвѣтственность, батюшка, отвѣтственность, вотъ что главное! Управляющіе подлець на подлець! Нужень глазъ да глазъ. А тутъ съ мѣста никакъ нельзя тронуться. Жена вонъ ѣздитъ, да чтожъ толку-то? Побарится тамъ, похохлится, да и воротится съ чѣмъ поѣхала. А я вамъ скажу, какой тамъ дворець, какіе сады, какіе... ну, однакожъ, до свиданія! Вѣдь вы у насъ станете бывать?

– Почту за особенное счастье... началъ было Софьинъ.

– Ну, счастья-то особеннаго нѣту, а такъ таки просто бывайте, и квитъ. Въ картишки подь часъ... да вы играете?

– Не отказываюсь, когда нужно.

– Ну, и хорошо; музыку... а Елены моей не слышали? Утѣшаетъ, право-слово, утѣшаетъ. Бывайтежъ! Да вотъ и ихъ приводите съ собой.

– Отъ всего сердца благодарю васъ, Онисимъ Сергеевичъ, съ чувствомъ сказалъ Племянничковъ. Ваше доброе вниманіе ко мнѣ, ваша искренность...

– Куда вы, куда? Прежде вы складнѣй говорили. Тѣмъ-то вы мнѣ и понравились. Я батюшка, не привыкъ къ вашимъ краснорѣчіямъ и этикетиться не люблю. Вонъ, коли угодно, съ бабой моей – пожалуй. Та любить. Прощайтежъ, господа! Да безъ визита, сказалъ онъ, обратясь къ Племянничкову, а такъ, просто вечеромъ жалуйте. Прощайте!

Пожавъ тому и другому руку, Онисимъ Сергеевичъ также проворно и вышелъ, какъ вошелъ.

– Не безпокойтесь, сказалъ онъ, не оборачиваясь и махнувъ рукою назадъ, не безпокойтесь, я и самъ найду дорогу.

Софьинъ и Племянничковъ съ минуту смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Племянничковъ первый разразился самымъ громкимъ хохотомъ; Софьинъ тоже засмѣялся и сталъ ходить по комнатѣ.

– Да гдѣ вы, дяденька, откопали такое сокровище?

– Признаюсь, я самъ имѣлъ совершенно другое понятіе объ этомъ человѣкѣ.

– Да это золото!

- Самородокъ, если хотите!
- Вотъ еслибъ вы, дяденька, послушали, какъ мы объяснялись!
- Ужь вѣрно напроказили вы тутъ, Ѳедоръ Степанычъ!
- Я-то? Мы...

И онъ залился громкимъ смѣхомъ.

– Да что у васъ тутъ было? спрашиваль Софьинъ тоже сквозь смѣхъ.

– У кого, – у насъ? Разговоръ.

– О чемъ же?

– Э, о чемъ же? Да на воловьей шкурѣ не перепишешь всего, о чемъ мы говорили.

– Вы однакожь понравились ему.

– Ей-богу, не виновать въ этомъ! Ужь стало быть такое мое счастье! Но только знаете ли что, дяденька: будьте вы при нашемъ разговорѣ, чуть ли бы этотъ добрякъ не послалъ меня къ чорту, который у него то и дѣло на языкѣ.

– Почемужь такъ?

– А ужь такъ.

И онъ снова расхохотался.

– Пойду, непременно пойду! говоритъ Племянничковъ.

Сегодня же дѣлаю визитъ и дѣло въ шляпѣ.

– Смотрите, Ѳедоръ Степанычъ, предупреждаю васъ. Супруга Онисима Сергеевича совсѣмъ другая статья. Это женщина съ страшными претензіями на свѣтскость, лучшей тонъ и образованность.

– Потрафимъ.

– То-то смотрите! Я потерпѣливѣй васъ, да и то чуть не лопнулъ съ досады отъ этого хвастовства, умничанья и кривлянья.

– Да вы, дяденька, не умѣете. Посмотрите-ка, какъ мы выѣдемъ! Кривляться, конечно, не стану, а похвастать, поумничать – ого! на это насъ взять!

– Не пересолите только.

– Съ тѣмъ что извольте-съ.

– Но ужь этотъ мнѣ мальчишка!..

– Какой это, дяденька?

– Тамъ вы увидите живую нравственную аномалію, пятнадцатилѣтняго франта съ папирской во рту.

– И хорошія у него папироски?

– Спиглазовскія.

– Превосходно! Поздравьте меня; я у нихъ заранѣе свой въ домъ. Ну, а барышни каковы-съ?

– Старшая какъ будто смахиваетъ на маменьку.

– А меньшая-съ?

– Меньшая... милое, доброе дитя.

– Какъ-какъ, повторите.

– Я говорю: доброе дитя.

– А милое-то кудажь дѣвалось? Такъ вотъ оно что! Хорошо она играла, выговаривала! Ну, слава Богу, слава Богу, на силу-то сказали вы по человѣчески!

– Чтожь вы тутъ находите такого? спросилъ Софьинъ, покраснѣвъ слегка.

Вмѣсто отвѣта, Племянничковъ, заложивъ руки, началъ ходить и запѣлъ самымъ страстнымъ голосомъ:

На толь, чтобы печали
Въ любви намъ находить,

Намъ боги сердце дали,
Способное любить.

– Какіе пустяки поете вы! съ неудовольствіемъ сказалъ Софьинь.

– Пустяки, такъ пустяки, а я все таки поздравляю васъ.

– Съ чѣмъ?

– Скажу послѣ, теперь не время. Побѣгу переодѣнусь да и того... ахъ, дяденька, хорошо, что вспомнилъ, – пожалуйста на извозчика. Подлецъ Павлушка въ кредитъ ужъ не желаетъ возить, а пѣшкомъ съ визитомъ къ такимъ аристократамъ, какъ Небѣдовы, согласитесь, не совсѣмъ презентабельно.

Чмокнувъ Софьина въ лобъ, Племянничковъ выбѣжалъ, громко и весело напѣвая: "я минуты той жду."

Додго сидѣлъ Софьинь, обдумывая что-то, потомъ подошелъ къ столу, взялъ ситару, медленно срѣзалъ ее гильотинкой и опять положилъ на прежнее мѣсто. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди его; онъ сѣлъ и задумался. Намеки Племянничкова какъ будто пробудили въ немъ чувство, похожее на угрызеніе совѣсти. Заглянувъ въ свою душу, онъ увидѣлъ, что почти ужъ зажили глубокія раны, точившія недавно горячую кровь и крѣпко захотѣлось ему разтравить ихъ. Онъ взялъ Дневникъ незабвенной своей подруги, раскрылъ его, прочелъ одну, прочелъ двѣ страницы, и гнѣвный вскочилъ съ кресла. "Гадокъ и ничтоженъ человѣкъ!" сказалъ онъ глухо.

И, полноте! Чѣмъ же человѣкъ гадокъ, чѣмъ ничтоженъ? Тѣмъ развѣ, что онъ не перестаетъ быть человѣкомъ, что въ сердцѣ его есть неизсякаемый источникъ любви и неистребимая потребность жизни? Благодареніе Промыслу за все, за все, что даже иногда человѣкъ осуждаетъ и клянетъ самъ въ себѣ, съ своимъ безумномъ ослѣпленіи! Вырываетъ насильно несчастливца изъ души своей малый отростокъ надежды отъ посѣченнаго въ немъ древа жизни; умышленно старается потушить чуть тлѣющую искру святаго упованія, какбы находя въ этомъ отраду: но это крамола, это возстаніе противъ Того Всемогущаго и Премудраго Распорядителя, который ведетъ насъ, Ему Одному извѣстными, путями къ цѣли, Имъ Самимъ предназначенной... Не клеветайте жъ, несчастливцы, насильно закрывающіе глаза свои отъ яркаго сіянія жизни, – не клеветайте на природу человѣческую! Въ самомъ вашемъ томленіи и недовольствѣ настоящимъ есть желаніе лучшаго будущаго, исканіе другой жизни, въ замѣнъ той, которая обманула васъ... Далеко въ первыя минуты скорби уноситея отъ міра огорченная имъ душа. Забывая матеріальную точку опоры для своей внѣшней дѣятельности и вся охваченная духовною болью, она мчится въ болѣе сродныя ей сферы, и тамъ создаетъ себѣ мѣсто упокоенія: но по мѣрѣ ослабленія этой боли, по мѣрѣ сознанія кровной привязанности своей къ тѣлу, душа тихо спускается долу, и какъ голубица Ноева, ищетъ мѣста на землѣ, чтобъ отдохнуть купно съ утомленнымъ своимъ тѣломъ... Нѣтъ, несчастливца, не то ты сказалъ! Ничтоженъ человѣкъ, если онъ идетъ противъ распоряженій Промысла, безумно *вземлясь на разумъ Божій*; ничтожны стремленія его духа, если въ нихъ выражается намѣреніе стать выше природы человѣческой! Гадокъ человѣкъ, если онъ, забывая свое достоинство, падаетъ до низкой ступени скотоподобія и измельчаетъ требованія своего духа на однѣ животныя потребности!.. Не вышшається человѣкъ до ангела, ибо въ безконечномъ порядкѣ творенія пробѣла быть не можетъ. Онъ только становятся на сродной ему ступени, которою кончается лѣстница его восхожденія; выше этой ступени уже болѣе нѣтъ для него, и дальнѣйшее стремленіе человѣка въ высоту есть уже его паденіе...

Совершенъ былъ первенецъ творенія: но змѣй-искуситель сказалъ ему: вкуси отъ древа недозволенаго познанія, и будешь, *яко Богъ*. Послушался первенецъ земля змѣя-искусителя занесъ ногу на высшую ступень совершенства, потерялъ равновѣсіе – и палъ....

Софьянъ клеветалъ на природу человѣческую подѣ диктовку ума; сердце же его говорило ему совсѣмъ другое. По мѣрѣ тишины и спокойствія, водворявшихся внутри его, умъ началъ читать ему уроки гордости, которая у крѣпкихъ натуръ почти столько же находитъ для себя пищи въ несчастіи, сколько слабыя природы находятъ ее въ Счастіи. Онъ ухватился за произнесенное когда-то имъ неосторожное слово отверженія всего, что есть прекраснаго въ жизни и потому слышалъ внутри себя голосъ, который громко возопилъ бы противъ мнимо-постыдной измѣны внезапно брошенному слову.

Глава четвертая

А между тѣмъ мы напрасно такъ скоро разстались съ Онисимомъ Сергеевичемъ, не познакомившись съ нимъ поближе. Такихъ людей со свѣчей поискать: ибо они ужь послѣдніе представители отжившаго поколѣнія. Наши потомки не найдутъ ужь этихъ топорно обдѣланныхъ характеровъ, и быть можетъ заподозрять раскащика въ беззаконномъ преувеличеніи. А между тѣмъ они еще живутъ и движутся межъ нами съ своей грубоватой честностью, съ своимъ крѣпкимъ словомъ, которое въ иную нору пришибетъ, словно обухомъ, моднаго красная, съ своими хватками и приѣмами, отъ которыхъ не мѣшаетъ иногда и посторониться, – короче, со всѣми особенностями, характеризовавшими нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Онисимъ Сергеевичъ Небѣда происходилъ изъ древняго благороднаго, русскаго дома, и еслибъ онъ, подобно Соломонидѣ Егоровнѣ, занимался поболѣе своей генеалогіей, то безъ труда могъ бы рассказать, какъ прадеды его засѣдали въ Боярской Думѣ, какъ иные изъ нихъ водили дружины на поле ратное, какъ пировали за сытными боярскими столами, гнувшимися отъ тяжести братинъ, полныхъ русскимъ медомъ и заморской романеей, и отъ необъятнаго груза разнородныхъ яствъ. Когда порой задѣвали апатическое его равнодушіе къ такимъ воспоминаніямъ, и кто нибудь, опустясь на дно генеалогическаго моря, вытаскивалъ оттуда поросшіе мхомъ осколки родословнаго своего дерева, Онисимъ Сергеевичъ, махнувъ рукой, обыкновенно говаривалъ: "а, чортъ знаетъ что тамъ такое! Вонъ, пожалуй, и мои предки по Исторіи значатся еще при Василіѣ Темномъ, да мнѣ-то что отъ этого? Ни тепло, ни холодно! Русскій дворянинъ да и баста!" Соломонида Егоровна однакожъ не жаловала такихъ разсужденій Онисима Сергеевича, и если ему случалось проповѣдывать при ней подобную ересь, то она старалась всѣми силами перебить рѣчь своего супруга и показать слушателямъ аристократическую древность фамиліи Небѣды, непременно употребляя въ такихъ случаяхъ личныя и притяжательныя мѣстоимѣнія въ числѣ множественномъ: *мы, наши*, и проч. Онисимъ Сергеевичъ вставалъ при этомъ съ своего мягкаго кресла, и склонивъ болѣе обыкновеннаго голову на сторону и потупивъ глаза, уходилъ въ кабинетъ. Зачѣмъ онъ уходилъ, за тѣмъ ли, что не любилъ похвалъ себѣ слушать, или отъ того, что боялся проговориться какъ нибудь во вредъ аристократическому важничанью своей дражайшей половины, – Богъ его знаетъ. Надо замѣтить, что Соломонида Егоровна, къ крайнему своему прискорбію, была вовсе не аристократическаго происхожденія, и говорятъ, предокъ ея, не далѣе, какъ во второмъ колѣнѣ, былъ вольноотпущеннымъ и служилъ экономомъ или прикащикомъ у какого-то мелкаго барина. А страсть похвастать, если не своимъ, то мужнинымъ достояніемъ не давала ей покою. Вообще, мы всегда любимъ громко проповѣдывать и навязывать себѣ тѣ похвальные качества, которыхъ въ насъ или вовсе нѣтъ, или есть только въ чуть замѣтныхъ зародышахъ. Онисимъ Сергеевичъ чувствовалъ это очень хорошо, и потому-то крѣпко не жаловалъ длиннорѣчивыхъ разсужденій своей супруги.

– Ну, распустилась съ своими краснорѣчіями! бормоталъ онъ съ такихъ случаяхъ. Ты, матушка, вотъ что лучше скажи; сколько великіе предки-то мои благопріобрѣтеннаго мнѣ оставили, вотъ что!

– А уваженъе, Онисимъ, а почтеніе? возражала Соломонида Егоровна.

– Оно мое, а не предковское!

– Всежъ не сравниють тебя съ какимъ нибудь выскочкой.

– Какъ же! Въ почетный уголь такъ тебя и посадить! Нѣтъ, матушка, теперъ ужь люди поумнѣли, и за то, что отцы да дѣды были умны, дураковъ сыновъ не уважають.

– Изъ чего жъ бы послѣ этого и состояла аристократія?

– Въ Русскомъ царствѣ, благодаря батюшкѣ Петру, вывелась старинная, пузатая аристократія; а если есть она у насъ, то слагается изъ людей умныхъ, полезныхъ, отличенныхъ Царемъ-Батюшкой, ктобъ они такіе ни были. Вотъ тѣ и вся недолга!

Онисимъ Сергеевичъ, дѣйствительно, не могъ въ той же мѣрѣ похвалиться наслѣдственнымъ богатствомъ, въ какой досужая генеалогія могла бы насчитать знаменитыхъ его предковъ. Все состояніе его ограничивалось двумя сотнями ревизскихъ душъ, которыя давали очень мало подспорья своему барину. Благородныя раны, – памятка двѣнадцатаго года, честная, долговременная служба обратили на него вниманіе Правительства, и Онисимъ Сергеевичъ, не купаясь, какъ говорится, въ золотѣ, могъ однакожь похвалиться достаткомъ, слѣдствіемъ его скромности и прагматической бережливости. "Копейка рубль бережетъ, говариваль онъ, а кому рубль ни по чемъ, тотъ самъ гроша не стоитъ." Соломонида Егоровна однакожь и въ этомъ не сходилась съ своимъ супругомъ. Обязанная поневолѣ держать строгую экономію, она, въ утѣшеніе себѣ, на словахъ бросала тысячами, и успѣвала разными уловками и жертвованіями достигать того, что въ домѣ ихъ была видна даже претензія на роскошь, а сама она съ дѣтьми одѣвалась, словно отъ тысячи душъ. Онисимъ Сергеевичъ видѣлъ все это, и въ душѣ благодарилъ свою сожительницу за такое умѣнье сводить концы съ концами. За то онъ позволялъ ей хвастать, сколько душъ угодно, и развѣ ужъ когда Соломонида Егоровна провретъ самымъ немилосерднымъ образомъ, онъ приговариваль: "хвастливаго съ богатымъ не распознаешь".

Онисимъ Сергеевичъ зналъ въ свое время и школьную лавку и "персть указательный" учителя, и скучный карцеръ и сидѣнье на хлѣбѣ на водѣ, и разныя другія подстреканья, бывшія въ стары-годы неизбѣжной принадлежностью образованія юношества. Школьныя воспоминанія шевелили иногда заснувшее его воображеніе, и Онисимъ Сергеевичъ съ увлеченіемъ говариваль подь часъ о прежней методѣ воспитанія, разумѣется, отдавая ей преимущество предъ теперешнею. Онъ вспоминаль наставниковъ своихъ съ ихъ недосыгаемой для него ученостью, съ ихъ оригинальными привычками и странностями, и будто сбросивъ съ плечъ лѣтъ сорокъ, выступаль молодцомъ, декламируя на распѣвъ:

О ты, что въ горести напрасно.

– Чорта съ два, заключаль декламацию свою Онисимъ Сергеевичъ, напишетъ теперь ктонибудь этакую оду! Это не куры-муры, разные амуры какіенибудь, а самая суть, – да!

Въ этомъ отношеніи Онисимъ Сергеевичъ былъ непреклонный старовѣръ, и собственно Изящная Словесность, во мнѣніи его, ни на волосъ не подвинулась впередъ со времени Державина и Карамзина. Впрочемъ онъ не вовсе былъ глухъ къ стиху Пушкина и Жуковскаго; послѣдняго даже уважалъ за его баллады, а въ Пушкинѣ находилъ талантъ и говорилъ, что онъ "хорошо описаль Онѣгина." За то всѣ прочіе поэты и прозаики рѣшительно не существовали для Онисима Сергѣевича. Гоголя онъ не полюбилъ, – не приличень, говоритъ. Впрочемъ, увидавъ какъ-то на сценѣ Ревизора, онъ нѣсколько дней послѣ этого рассказываль своимъ гостимъ содержаніе комедіи. Сама Соломонида Егоровна, дама въ высшей степени щекотливая на такія вещи, съ замѣтнымъ удовольствіемъ вмѣшивалась въ разговоръ, наводя своего супруга на нѣкоторыя обстоятельства и частности, ускользавшія изъ памяти его. Онисимъ Сергеевичъ никогда однакожь не отдѣляль автора отъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти или драмы, и съ живымъ участіемъ слѣдилъ за всякимъ словомъ того или другаго лица, побранивая, подь часъ довольно крупно, неизвѣстно впрочемъ кого, – автора или выводимаго имъ героя.

– Вишь онъ какъ! Говорить, шуба-то на васъ въ пятьсотъ рублей, а жалованья-то, говоритъ, получаете не Богъ знаетъ сколько, да такъ его и срѣзаль. Хе, хе, хе, хе! А этотъ городничій-то, когда говоритъ кварташкѣ: ты, говоритъ, скажи всѣмъ, говоритъ, что церковь-моль была построена, да сгорѣла. Ну, не бестія ли? А Осипъ-то, Осипъ! Препразсудительный человекъ, но только плуть большой... Гмъ, Департаментомъ, говорятъ, управляютъ приглашали, – даль бы я тебѣ, канальѣ, Департаментъ! Обобраль, мошенникъ, всѣхъ да и уѣхаль, и суда нѣтъ на немъ. Да и Марья-то Андреевна хороша! Чортъ знаетъ, что за пакостная баба, тѣфу!

Во всемъ вѣрнѣйшій правиламъ чести и долга, всегда равнѣйшій своему характеру, Онисимъ Сергеевичъ однакожь былъ въ высшей степени слабымъ отцомъ семейства. Чувство инстинктивной любви къ дѣтямъ, расширяясь болѣе и болѣе, охватило все существо его, во вредъ разумному началу правильныхъ къ нимъ отношеній. Дѣло очень естественное! Чѣмъ болѣе человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувства, тѣмъ болѣе ошибокъ ждетъ его впереди. Строго надобно разбирать тѣ случаи, гдѣ умъ можетъ и долженъ быть совѣтчикомъ и руководителемъ, и гдѣ, безъ его указанія, можно попасть въ такую кабалу, что послѣ и не выпутаешься. Повѣрка въ такомъ разѣ одна: когда изъ за убѣжденій ума выглядываетъ гордость и эгоизмъ, тогда прочь этого совѣтчика; когда же онъ говорятъ въ пользу извѣстныхъ правилъ, въ духѣ самоотверженія, тогда его голосъ не долженъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.